В. П. Мещеряков

БРАТСКИЕ ШКОЛЫ БЕЛОРУССИИ

(XVI—первая половина XVII в.)

Под редакцией
члена-корреспондента АПН СССР,
профессора С. А. Умрейко

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО БГУ им. В. И. ЛЕНИНА
1977

Рецензенты
доктор педагогических наук,
профессор И. Ф. Харламов,
кандидат педагогических наук, доцент С. В. Селицкий

Мещеряков В. П.

М56 Братские школы Белоруссии (XVI — первая половина XVII в.). Под ред. С. А. Умрейко. Мн., Изд-во БГУ, 1977.

56 с.

В брошюре дается анализ социально-экономических предпосылок развития гуманизма и просвещения в Белоруссии. Основное внимание уделяется так называемым братским школам, их роли в развитии культуры белорусского народа. Характеризуется работа Виленской братской школы, которая сыграла заметную роль в истории культуры Белоруссии.
Рассчитана на преподавателей и научных работников.

М $\frac{60300-006}{М\ 317-77}$ 57—77 37(09)

Предисловие

Развитие просвещения в Белоруссии в XVI— первой половине XVII в. проходило в сложных исторических условиях, когда белорусский народ, оторванный от русского, вел борьбу за сохранение своей самобытности, национальной культуры и просвещения.

В связи с тем, что в XIII в. древнерусское государство (Киевская Русь), в состав которого тогда входили Белоруссия и Украина, достигло больших успехов в области экономики, культуры и просвещения и не уступало в этом отношении европейским государствам, белорусский и украинский народы, войдя позже в состав Великого княжества Литовского, оказывали большое влияние на него в экономическом и культурном отношениях. Литовцы перенимали их нравы, обычаи, приобщались к их культуре, православной христианской вере. Кроме того, белорусы и украинцы превосходили литовцев численно.

Белорусский или, как тогда говорили, русский язык стал в Литовском княжестве государственным. На нем издавались указы, распоряжения, велась документация. Грамотным в княжестве считался только тот, кто умел говорить, писать и читать по-белорусски. Государственные акты, изданные виленской археологической комиссией (АВАК) более чем в тридцати томах, были составлены в основном на белорусском языке. До середины XVI в. все документы в литовском княжестве издавались только на этом языке, затем вначале в виде исключения, а потом все чаще и чаще появляются указы и распоряжения на польском языке.

Однако еще в 1588 г. (после Люблинской унии) в третьей, последней редакции «Статута Великого княжества Литовского» был все же еще подчеркнут государственный характер белорусского языка. В частности, в нем говорится: «А писар земски маеть по руску литерами и

словы рускими вси листы, выписы и позвы писати, а не иншим езыком и словы...»[1]

Большинство исследователей XVI и XVII вв. употребляют термин «Белоруссия». Правомерно ли это? Мы полагаем, что да. В тот период, по крайней мере с середины XVI в., стали употреблять термин «Белая Русь». Еще раньше немецкие историки-хронисты употребляли термины «Weissen Reuzen» и «Alba Russia»[2]. Термин «белый» рано появился в славянских языках. В IV—VI вв. известны названия «Белая Хорватия», «Белая Сербия».

В древнерусском языке слово «белый» означало «свободный», «независимый». «Белые крестьяне» — свободные крестьяне. Есть основания полагать, что термин «Белая Русь» означал свободную, независимую от татаро-монгольского ига Русь. Впервые в России этот термин был употреблен при Алексее Михайловиче, которого официально называли «Государем всея Великая, Малыя и Белыя России»[3].

Экономическое и социальное развитие Белоруссии в XV—XVI вв. (рост ремесел и торговли, усиление классовой борьбы в городе и деревне, укрепление международных экономических связей) способствовало распространению гуманистических и реформационных идей. Одновременно начинают создаваться, особенно после Люблинской (1569) и Брестской (1596) уний, условия для проникновения в Белоруссию католицизма и полонизации. В этой обстановке и возникают братства и братские школы — форпост белорусской народности, ее культуры, просвещения и православной веры в борьбе с католической реакцией.

Важную роль в распространении грамотности и просвещения среди населения сыграло книгопечатание. Первые белорусские книги были напечатаны Ф. Скориной в Праге в 1517—1519 гг. и Вильне в 1525 г. В XVI—первой половине XVII в. на территории Литовского княжества, а именно в Белоруссии, была самая густая сеть типографий (Вильна, Евью, Несвиж, Заблудов, Кутейно, Лоска, Заславль, Минск и т. д.).

Таким образом, в Белоруссии создаются необходимые предпосылки для гуманистического и реформационного движения. Появляется плеяда видных гуманистов и реформаторов. Это Францисск Скорина, Стефан и Лаврентий Зизании, Милетий Смотрицкий, Симон Будный, Фауст Социн, Василий Тяпинский, Петр Мстиславец, Спиридон Соболь, Гринь Иванович, Петр из Гонёндза, Мартин Чеховиц и многие другие.

Несмотря на то, что к событиям, происходившим в XVI—XVII вв., нередко обращались и обращаются научные исследователи проблем истории, философии, экономики, культуры и просвещения, это время является далеко не исследованным и ожидает еще фундаментальных научных работ социально-экономического и культурно-просветительского характера.

В предлагаемой читателю брошюре дается общая характеристика данного периода. Особое внимание уделяется учебной и воспитательной работе братских школ и в первую очередь Виленской братской школе, сыгравшей исключительную роль в развитии культуры и просвещения белорусского народа.

Автор

Гуманизм и Реформация в Белоруссии

XVI — первая половина XVII в. — сложный и вместе с тем примечательный период в жизни белорусского народа. Он характеризуется развитием национального самосознания белорусов, формированием белорусской народности, значительным развитием национальной культуры и просвещения, борьбой против полонизации и католической реакции. Все это обусловлено социально-экономическими изменениями, характерными для того времени, а также развитием гуманизма и реформационных идей.

Гуманизм, или Ренессанс, возник в Италии, откуда он затем проник во Францию, Англию, Нидерланды, Германию, Швейцарию, Чехию, Польшу и Литву. Шведский исследователь Мабель Лундберг в работе «Иезуитская антропология и учение о воспитании в ранний период существования Ордена (1540—1650)» писал: «Так как Италия в XV и XVI вв. являлась носителем культурной гегемонии, то она представляла такую цивилизацию, которая в определенной степени сохранила сугубо национальный облик, но основные черты которого были развиты в течение веков севернее Альп, при этом Франция играла главенствующую роль»[4]. С этим, пожалуй, можно согласиться, добавив, что с Италией довольно тесную культурную и экономическую связь поддерживали Нидерланды, Германия, Швейцария, Чехия и польско-литовское государство (официальное название — Речь Посполитая). Именно в этих странах в XIV—XVI вв. под влиянием итальянского гуманизма открываются университеты. Первые университеты были славянскими — Пражский и Краковский. Значительно позднее открываются немецкие университеты. Все это накладывает своеобразие на развитие гуманистических идей и реформации в польско-литовском государстве.

Однако воздействие итальянского Возрождения и западной культуры не было односторонним. Западная Европа, в свою очередь, испытывала влияние со стороны славянской культуры в лице виднейших ее представителей.

В XVI—XVII вв. Белоруссия, входившая в состав польско-литовского государства, была более тесно связана, нежели Московское государство, с Западом и поэтому испытывала большее влияние со стороны стран Западной Европы. Не следует, однако, рассматривать этот период как «золотой век» в развитии белорусского народа, ибо воздействие Запада в социальном и экономическом плане часто оказывалось негативным, особенно для бедного населения, которое было бесправным и подвергалось жестокой эксплуатации, какой не было в то время в Русском централизованном государстве. Поэтому Гуманизм и Реформация коснулись главным образом состоятельных слоев населения.

Выходцы из Белоруссии, чаще всего магнаты и шляхтичи, обучались в Краковском, Пражском, а также немецких и итальянских университетах. В немецких университетах (Виттенберг, Кёнигсберг и Лейпциг) обучались Ходкевичи, Глибовичи, Кишки, Головчинские и другие. Известно, что в Краковском университете учились Ф. Скорина, С. Будный, Лаврентий Крышковский, Петр из Гонёндза, Симон Жак, Куприян Базилик и другие. О том, что в университетах белорусы исчислялись не единицами, свидетельствуют факты. Так, отмечается, что при Пражском и Краковском университетах были специальные общежития для литовских и русских студентов. Ежегодно для выходцев из Литвы предоставлялись стипендии, а также места в студенческих общежитиях Кёнигсбергского университета. Поскольку всех выходцев из Литвы и Белоруссии называли литовцами, трудно определить, кто из студентов был литовцем, а кто белорусом.

Эпоха Возрождения непосредственно связана с Реформацией. Собственно, о Гуманизме нельзя и говорить, не касаясь Реформации. Гуманизм отверг одно из основных положений церкви, утверждающего, что человек — раб божий и греховен по своей сущности. Гуманизм поставил человека превыше всего. «Я человек и ничто человеческое мне не чуждо» — вот принцип Гуманизма.

Реформацию не следует рассматривать только в плане борьбы с католической религией. Ее необходимо анализировать в совокупности с различными богословскими ересями, направленными как против католицизма, так и против православия и кальвинизма. Во всех этих религиозных течениях было нечто общее — борьба против господствующей религии, хотя содержание, формы и методы борьбы были разными.

Социально-экономические изменения того периода проанализированы в работе Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии». Экономические преобразования, борьба классов, по Ф. Энгельсу, выливались в религиозные войны, протекавшие под флагом той или иной богословской ереси. «...Нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь,— писал он,— все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»[5].

Пожалуй, при оценке периода Реформации можно учитывать следующие слова В. И. Ленина: «Было время в истории, когда... борьба демократии и пролетариата шла в форме борьбы *одной религиозной идеи* против другой»[6].

Реформационное движение в Белоруссии, Литве и Польше носило не только религиозный, но и социально-культурный, политический характер. Иногда высказываются мысли о том, что Реформация не имела никакого отношения к Белоруссии, так как она была направлена против католицизма, а белорусы, в том числе значительная часть магнатов, были православными[7]. Такое утверждение является не совсем правильным. И вот почему. Среди магнатов и шляхтичей, белорусов по происхождению, было немало католиков. А магнаты и шляхтичи-литовцы все были католиками и владели огромными земельными наделами и городами в Белоруссии. Кроме того, большинство просвещенных людей, особенно учившихся в университетах (Ф. Скорина, С. Будный, Л. Крышковский, Лаврентий и Стефан Зизании, П. Социн, М. Чеховиц, Петр из Гонёндза и многие другие), исповедовали самые разнообразные религиозные идеи, нередко меняли взгляды или поддерживали то или иное еретическое течение. Свою просветительскую и общественную деятельность они облекали в различные религиозные формы. Это имело определенное отношение к Реформации.

Проповеди религиозного и просветительского порядка произносились в церквях, на сходах, рыночных площадях и были обращены в основном к средним и бедным слоям населения. Эти проповеди или укрепляли религиозные убеждения слушателей, или наоборот, многие из них начинали отказываться от прежних воззрений.

В середине XVI в. Реформация на территории польско-литовского государства достигает своего апогея. В 60-х годах XVI в. кальвинисты и православные добиваются равноправия с католиками. Многим казалось, что дни существования католицизма сочтены. Большинство литовско-белорусских магнатов перешли из католицизма в кальвинизм и примкнули к Реформации (Радзивиллы, Сапеги, Кишки, Ходкевичи, Воловичи и другие). Это объяснялось экономическими целями. Магнаты, перешедшие в кальвинизм, переставали платить десятину католической церкви, забирали ее огромные земельные владения и богатства, укрепляя таким образом свое экономическое положение. При этом эксплуатация крестьян не уменьшалась. Скорее наоборот, крестьянам внушалось определенное уважение то к католицизму, то к кальвинизму. Поэтому магнаты или шляхтичи, не исповедующие православия, допускали оскорбление чувств верующих православных, а иногда заставляли насильно исповедовать крестьян свою веру (католицизм или кальвинизм), руководствуясь правилом: «Чья страна — того и вера». Все это говорит о том, что Реформация, коснувшись в Белоруссии главным образом магнатов, шляхтичей и зажиточного городского населения, имела определенное влияние на крестьян. Поэтому есть все основания говорить о Реформации и в Белоруссии. Непосредственное отношение к Реформации имеют различные еретические учения, широко распространившиеся в польско-литовском государстве. Главными распространителями еретических идей были выходцы из России — Феодосий Косой, Артемий и Матвей Башкины. Широкое распространение получили в Белоруссии «жидовствующие» и «социниане» (ариане). Эти еретические движения подрывали устои феодальных отношений, требовали де-

мократической бесплатной церкви. Поэтому как католическая, так и православная церковь принимали большие усилия, чтобы разгромить и обескровить еретиков, и в первую очередь «жидовствующих». В «Russiches Mönchtum» отмечается: «Еретическое движение так называемых «жидовствующих» («judaisierenden») грозило принять большие размеры, поэтому необходимо было соответствующими мерами покончить с ним»[8]. Именно гонения официальной православной церкви и вынудили Ф. Косого, А. и М. Башкиных бежать из Московского государства в Литву (в Белоруссию), где было относительно религиозное свободомыслие. Здесь Ф. Косой возглавил левое наиболее радикальное течение ариан, которых часто называли антитринитариями за то, что они отрицали единосущность божественной троицы. Ф. Косой и его сторонники отрицали церковные обряды, крещения, молитвы, воскрешение из мертвых, ад и рай, божественное происхождение Христа.

Представители левого крыла ариан выдвигали требование демократизации церкви, порицали эксплуатацию человека человеком, государственные законы и войны. Нередко во время проповеди ариан раздавались призывы к богатым: если они хотят быть верными богу, нужно отпустить всех слуг и крепостных на волю и раздать им все свое имущество. «...В Вильне уже шли разговоры о том, должно ли допускать к вечере господа бога тех, которые не отпускают на волю своих крепостных»[9].

Крупным теоретиком ариан был Петр из Гонёндза (точная дата рождения не известна, где-то между 1525 и 1530 г., дата смерти —1573 г.). Небольшой городок Гонёндз находился в Подляшье, входившей тогда в состав Литовского княжества. Петр из Гонёндза был образованнейшим человеком своего времени. Он учился в Краковском университете, жил в Италии и Швейцарии, в Падуанском университете читал лекции по софистике. В своих проповедях он впервые стал обосновывать учение ариан.

Видным вождем и идеологом ариан, руководителем его умеренного крыла был Симон Будный (1530—1593). Он пытался примирить правое и левое крыло ариан. Поэтому он выступал за сохранение существующих порядков, умеренную эксплуатацию слуг и крестьян, полагал, что в обществе должны быть господа и слуги, признавал справедливые войны и важность государственной службы. Будный проводил большую просветительскую и издательскую деятельность. В 1562 г. в Несвижской типографии, основанной Кавечинским, Будный издал на белорусском языке «Катехизис для простых людей» и «Об оправдании грешного человека перед богом».

Признанным вождем польского, литовского и белорусского антитринитаризма стал Фауст Социн (1539—1604). В своих сочинениях, в первую очередь «По поводу книг Палеолога о светской власти» и проповедях, Социн уменьшает радикализм левых антитринитариев (признает частную собственность, неизбежность существования бедных и богатых, осуждает крайние атеистические суждения) и, таким образом, делает некоторую уступку правым. Конец XVI — начало XVII в. характеризуются первыми организационными широкими наступлениями католицизма против ариан, кальвинистов и «схизматиков» (православных). И хотя Б. Суходольский утверждает, что «в то время как в других странах Европы фанатизм и нетерпимость к другой вере все более усиливались, Польша (польско-литовское государство.— *В. М.)* оставалась до середины XVII в., несмотря на все усилия противников Реформации, свободной страной» (имеется в виду свободной в смысле исповедования религии.— *В. М.)*[10], с ним трудно согласиться. Безусловно, католическая контрреформация не могла полностью искоренить учение кальвинистов и ариан, однако свободы вероисповедания, и тем более полной, в первой половине XVII в. уже не было. Это прекрасно понимали сами ариане, которые в то время называли себя социнианами.

Социнианство с его умеренностью было своего рода компромиссом ариан с существующими условиями, в том числе и католицизмом. Этим самым социниане пытались найти возможности сохранить свои религиозные взгляды и избежать разгрома. Да и сам Б. Суходольский в другом месте утверждает нечто иное, как бы забывая о сказанной выше свободе вероисповедания. «Это время,— пишет он,— считается началом глубокого раскола среди иноверцев в Польше. Ариане начали открыто проповедовать свое учение, в то время как большая часть шляхты, которая была обеспокоена этим радика-

лизмом, начала искать возможности заключения компромисса с олигархией и духовенством»[11].

Центрами социнианского движения стали Новогрудок и Раков. Наиболее радикальными представителями левого крыла ариан были: Мартин Чеховиц, Павел из Визны, Гжегож Павел, Лаврентий Крышковский и Якуб из Калиновки. Они проповедовали равенство всех людей, осуждали богатство, леность, эксплуатацию человека, требовали изменения существующих порядков. Таким образом, они выражали мысли и чаяния городских низов и крестьянства. Социнианство способствовало развитию и распространению естественных наук. Об этом свидетельствует работа Раковской академии (Польша), а также социнианских школ в Белоруссии и на севере Украины. Эти науки порой способствовали тому, что многие ученики, студенты и преподаватели социнианских учебных заведений и вообще сторонники левого крыла ариан невольно приходили даже к восприятию атеистических идей. Известны некоторые имена атеистов —«эпикурейцев», проживающих в Белоруссии в XVI—XVII вв. Это в первую очередь мозырский судья Стефан Лован (годы жизни точно неизвестны, примерно конец XVI— начало XVII в.), Каспер Бекеш (1520—1579), Елизавета Мелецкая (1550—1591) и Казимир Лыщинский (1634—1689). Они отрицали бога, бессмертие души, не верили в загробную жизнь. За атеистические взгляды Лован и Лыщинский привлекались к суду. Решением суда (сейма) Лыщинский был приговорен к сожжению заживо на костре вместе со своими безбожными сочинениями. Король «сжалился» над ним и «милостливо» разрешил вначале отрубить Лыщинскому голову и лишь потом сжечь его тело, что и было сделано 30 марта 1689 г. на рыночной площади Варшавы. Даже пепел приказали выстрелить из пушки в назидание еретикам и безбожникам. По завещанию Бекеша на его могиле (он был похоронен в Вильне на Лысой горе, теперь она называется горой Бекеша) была сделана надгробная надпись. Вот часть ее:

Все имею из себя, не хочу признавать бога,
Не жажду его неба, ада не боюсь,
Милосердия не прошу, ничто не говорит за суд (после смерти)...
Не тревожусь относительно тела, тем более относительно души,
Умершей вместе со мной, я это должен смело признать...[12]

Таким образом, мы видим, что XVI— первая половина XVII в. является периодом становления и развития различных религиозных теорий и ересей, периодом развития Реформации и вольнодумства, а также Гуманизма и Просвещения. Все это было обусловлено экономическими и социальными изменениями, происходящими в Белоруссии, втянутой в сферу экономической и политической жизни польско-литовского государства.

Начало книгопечатания у восточных славян связано именно с Белоруссией. В 1517—1519 гг. доктор Франциск Скорина напечатал на белорусском языке в Праге «Библию Руску» и отдельно «Псалтырь». В 1525 г. он же в Вильне при поддержке Луки Мамонича (могилевчанин) и братьев Зарецких издает «Апостол» и «Подорожную книжицу». Самые первые и сравнительно многочисленные типографии открываются в Белоруссии (в Вильне, Евью, Заблудове, Кутейно, Лоске, Буйничах, Несвиже, Гродно, Минске, Полоцке и других городах). Несколько позже появляются типографии в Москве и на Украине.

Хотя Белоруссия и была более тесно связана с Западной Европой через Чехию и Польшу, скорее всего, возникновение белорусского книгопечатания говорит о стремлении белорусов добиться независимости в составе польско-литовского государства.

Борьба за национальное освобождение, достоинство и самосознание, сопротивление полонизации и католицизму явились одной из причин большой тяги белорусов к образованию, довольно широкого распространения гуманистических идей, идей Реформации и свободы вероисповедания. Этой же причиной объясняется возникновение братств и братских школ.

В Русском централизованном государстве существовало угнетение крестьян и городских низов независимо от национальной принадлежности, и православие было официальной господствующей религией. Поэтому в России и не было объективных причин для Реформации, образования братств и братских школ — своеобразного оплота национальной самостоятельности белорусов и православной веры.

Распространение Реформации и гуманистических идей, развитие просвещения и культуры приводят к появлению интеллигенции (учителя, чиновники, врачи, фармацевты, архитекторы, музыканты, художники и

другие). Возникает сеть разнообразных школ: католических, братских, кальвинистских, лютеранских, униатских, социнианских, пиарских и других. В Белоруссии до появления вышеназванных типов школ были училища в различных городах и школы при церквях. Правда, при многих церквях, особенно сельских, школы были очень малочисленными. Чаще всего священник в церковной школе учил двух-четырех мальчиков элементарным основам грамоты (чтение, письмо, счет и церковное пение) и использовал их в качестве своих помощников при проведении церковных служб. Впоследствии они могли занимать низшие церковные должности (диакон и псаломщик).

К. Харлампович упоминает древние училища в Турове, Пинске, Слуцке, Минске, Мозыре[13]. Следует полагать, что все эти училища по содержанию обучения и глубине даваемых знаний уступали школам XVI—XVII вв. Тем более они не могли идти ни в какое сравнение с ними в количественном отношении. Такие братские школы, как Виленская, Брестская и Слуцкая, считались лучшими учебными заведениями. А Виленская братская школа была соборной.

Наибольшее значение и влияние из всех типов школ в развитии просвещения и культуры белорусского народа имели братские школы, к рассмотрению деятельности которых мы и переходим.

Братские школы и учебно-воспитательная работа в них

Братские школы, возникшие в конце XVI— первой половине XVII в., были наиболее распространенным типом учебных заведений в Белоруссии. Об их деятельности написано немало работ, защищены диссертации[14].

Однако во всех этих работах деятельность белорусских братских школ рассматривается в общем плане, кроме того, наблюдается недооценка роли белорусских братских школ и особенно такой, как Виленская, которая была открыта раньше всех, в 1584 г., и явилась одной из главных соборных школ, наряду со Львовской.

Возникновение братств, с которыми тесно связано

создание и развитие братских школ, рассматривается с разных позиций. С. М. Соловьев считал, что братства в какой-то мере напоминают братчины древнего Новгорода и Пскова XII—XIII вв. и ведут происхождение от них[15]. Е. Н. Медынский справедливо рассматривает братства как политическую организацию, имевшую внешне религиозную оболочку и направленную против полонизации и католицизма. При этом он утверждает, что братства XVI—XVII вв. были оригинальными организациями и ничем не были связаны с древнерусскими братчинами[16]. Навряд ли с последним утверждением можно полностью согласиться. Если мы говорим о передаче из поколения в поколение в течение многих веков педагогических идей в виде сказок, поговорок, пословиц и былин, то тем более нельзя достоверно говорить о полном отсутствии влияния древних братчин при организации братств. Бесспорно, идеи совместной организации людей в виде братчин, даже преследующих только экономические, а также благотворительные цели, не прошли бесследно и, видимо, в какой-то мере способствовали при определенных условиях более быстрому отысканию такой организации, как братство. Не следует также отбрасывать взаимного влияния белорусских, украинских и чешских братств, начавших возникать, примерно, в одно и то же время.

Первым и наиболее известным братством на территории польско-литовского государства было Виленское (1458). Усиление национального и религиозного гнета в конце XVI— начале XVII в. приводит к появлению ряда братств: в Белоруссии — в конце XVI в., на Украине — в начале XVII в. Так как Белоруссия более тесно, нежели Украина, была связана с Литвой и польское влияние казалось наиболее чужеродным и неприемлемым, народные массы и среднее шляхетство Белоруссии оказывали сильное сопротивление полонизации и католицизму. Проникновению польского влияния в Белоруссию и Литву оказывали сопротивление не только белорусы, но и литовцы, в том числе и литовские магнаты, не желавшие примириться с утратой политической и экономической самостоятельности Великого княжества Литовского. Наиболее известными братствами были: Виленское Троицкое (1584), Кричевское (1588), Рогатинское (1589), Могилевское (1590), Брестское (1591), Гродненское (1591), Городокское (1591), Оршанское

(1592), Минское «Шпитальное» (1592), Бельское (1594), 2-е Минское Петропавловское (1613), Пинское (дата открытия неизвестна).

Как правило, они находились в крупных городах. Однако были братства местечковые и даже сельские. Одни братства распространяли свое влияние только на церковный приход, другие — на весь город, а третьи—на повет (по площади повет, примерно, равен современной области.— *В. М.)* и даже на ряд поветов (Виленское и Брестское братства).

Существовали братства для именитой молодежи. Их называли младенческими, или юношескими. Они были своего рода филиалами братств, ибо вся их работа проходила под надзором представителей старших братств. Юношеское братство было в Могилеве, а также в Вильне под названием «Студенческая конгрегация святых Константина и Елены».

Братства объединяли людей разных сословий духовного и светского звания, за исключением магнатов. При этом в них преобладали лица светского происхождения — ремесленники и торговцы. Нередко братства на общих сходах под давлением светского большинства принимали решения, не совсем угодные лицам духовного звания. Все это позволяет понять причины острой вражды между братствами и высшими церковными сановниками, которые видели в некоторых братствах рассадники безбожия и еретических идей. Все же большинство братств были верной опорой православной религии и сами вели борьбу с еретиками и католицизмом. Однако нельзя рассматривать братства только как религиозные организации. Они отстаивали независимость и национальную самостоятельность белорусского народа.

Несмотря на определенную демократию (решение вопросов на сходах простым большинством голосов), братства были неоднородны, и чем дальше, тем больше влияния в них приобретали зажиточные купцы, мастера и священники. В частности, из них избирались четыре «старших братчика», которые отвечали за повседневное ведение текущих дел братства.

Большинство братств добились полной независимости от местного духовенства, в том числе и от епископов, часто изменявших православию. Братства получали так называемое право «ставропигии», т. е. независимости,

которое им давали константинопольские православные патриархи, приезжавшие в Москву за «милостыней», говоря иными словами — подарками.

Русские цари и московские митрополиты стремились оказывать влияние на восточнославянские земли, находящиеся под властью польско-литовского государства, всячески поддерживали самостоятельность и независимость братств и способствовали усилению их борьбы с католицизмом и полонизацией. Константинопольские патриархи, возвращаясь из Москвы с богатыми подарками, давали право ставропигии братствам, осуждали или освобождали от работы православных сановников вплоть до епископов, если последние неусердно отстаивали православие и склонялись к дружбе с польскими властями. Большинство братств получали право не только контролировать деятельность членов братства, но и избирать священников. Епископ же обязан был утверждать избранного и посвящать его в сан священника. Вся деятельность монастырей, священников как экономического, так и духовного характера попадала под влияние и контроль братств. Всестороннему контролю со стороны братств подвергались и братские школы.

Открытие братских школ, как и самих братств, было обусловлено рядом экономических и социальных причин. Еще до возникновения братств православные магнаты, шляхта и духовенство испытывали потребность в культурных и образованных людях. Позднее братства, ощущая все более сильный натиск католицизма, стали искать возможность противопоставить всему этому на равном уровне ортодоксальные положения православия.

После Люблинской унии в Белоруссии появляются иезуитские коллегии в Вильне (1570), Полоцке и Несвиже (1581), Бресте (1609), Мстиславле (1616), Минске (1633), Орше (1635) и т. д. Еще до их появления открывается несколько православных школ в Заблудове (1567), Турове (1572). Польские короли вынуждены были иногда давать согласие на открытие таких школ, или разрешали содержать при церкви или монастыре образованного духовного человека греческого, т. е. православного, вероисповедания. Так, в жалованной грамоте от 20 октября 1562 г. короля Сигизмунда II Августа дворянину Боркулабу Корсаку о передаче ему в пожизненное владение полоцкого Предтеченского монастыря гово-

рится: «...и мает он в том монастыре от себе мети особу духовную, человека научоного, который бы умел в справах духовных водле закону Греческого справоватися и за нас господаря Бога просити...»[17]

Открытие иезуитских, а затем и протестантских коллегий способствовало увеличению числа православных школ.

Вслед за Виленской братской школой возникают другие: Брестская, Могилевская, Минская, Бельская, Пинская, Оршанская, Ельненская, Шкловская, а также школы в Евью (Виленская губерния), Кронях (Ковенский повет), при Цеперском монастыре (Новгородский повет) и при Боркулабовском монастыре в Кутейно (Оршанский повет). К. Харлампович упоминает братскую школу в Белиловцах (неизвестный белорусский город.— *В. М.*)[18]

Даты открытия братских школ установлены не с полной достоверностью. В королевских указах или распоряжениях не всегда называется точная дата их открытия. Базой для открытия таких школ были более примитивные школы. Годом открытия Брестской братской школы считают 1591-й. Действительно, 28 января 1591 г. была издана подтвердительная королевская грамота брестским православным мещанам иметь братство и русскую школу при нем. «...Позволяем,— говорится в этой грамоте,— мещанам Берестейским закону Греческого... школу Рускую при церкви соборной заложения святого Николы мети и ученых для науки и цвиченья детем и молодым людем ховати»[19]. Подобная грамота 11 сентября 1592 г. была дана Минским православным мещанам на открытие при соборной церкви школы и богодельни. В этой жалованной грамоте, в частности, говорится: «...братству их позволяем для науки деток малых школу мети и бакаляра в ней ховати, и там детей письма Греческого и Руского учити давати»[20].

Сеть братских школ, обучение на дому, при церквях и монастырях охватили по тем временам значительную часть молодежи. Сейчас, конечно, трудно судить о количестве грамотных людей в то время. К грамотным тогда относили всех, кто умел хотя бы с трудом читать и писать.

О сравнительно широком распространении грамотности в русских (белорусских и украинских) землях свидетельствует описание путешествия антиохийского патриарха Макария в середине XVII в.: «... по всей земле русских... мы заметили возбудившую наше удивление прекрасную черту: все они, за исключением немногих, даже большинство их жен и дочерей, умеют читать и знают порядок церковных служб и церковных напевов; кроме того, священники обучают сирот и не оставляют их шататься по улицам невеждами»[21].

Подобные свидетельства являются явным преувеличением. Однако они убеждают нас в том, что элементарная грамотность была широко распространена среди белорусов и украинцев. Братские школы руководствовались уставом братства («чин») и уставами школ. Наиболее удачным в методическом и организационном отношениях был устав Львовской школы или, как его называли тогда, «порядок школьный». Все остальные уставы близки к Львовскому по содержанию или идентичны ему. Это дает право считать Львовский устав образцом для всех братских школ как Украины, так и Белоруссии.

Исходя из устава Львовской школы, а также Луцкого устава, являвшегося почти полной копией первого, можно объективно судить и о работе белорусских братских школ. Нельзя думать, что Львовский устав является плодом творчества только Львовского братства и школы при нем. Между братствами существовали довольно тесные связи, что позволяло создавать общий, единый фронт борьбы против католицизма и полонизации и унифицировало в значительной степени всю деятельность братств и братских школ. Наиболее тесная связь была между Виленским и Львовским братствами, ставшими центрами белорусской и украинской культуры и просвещения. Имеются документальные свидетельства, подтверждающие это. Таким образом, можно предполагать, что устав Львовской школы испытал на себе влияние первой братской школы, каковой и является Виленская.

Братские школы были наиболее демократическими и гуманными учебными заведениями своего времени. Отсутствие сословности позволило поступать в них детям бедняков. Однако большая часть учеников происходила из средних слоев населения. Богатые вначале чурались этих школ. Дети магнатов и среднего дворянства получа-

ли чаще всего домашнее воспитание или в католических коллегиях, или в университетах. После того как в братских школах повысился уровень образования, в них стали обучаться дети из зажиточных православных семей. Братские школы находились в полной зависимости от братств в моральном и материальном отношениях. Зарплата учителей, контроль за содержанием работы школы, предоставление помещения для нее и ремонт его находились в юрисдикции братств. Во главе братской школы, как правило, стоял ректор. В помощь ему назначались от братства старшие, или «дозорцы» (Виленская школа)[22].

Отец, решивший отдать сына в школу, приводил его к ректору. В присутствии двух свидетелей составлялся письменный договор, где указывалось, чему должны научить сына в школе, определялась плата за учение. Кроме того, оговаривалось, что отец будет помогать школе, не противиться ее порядкам, а также дает обещание не забирать сына до тех пор, «пока не кончит наук»[23].

Плата за обучение была разнообразной. Богатые платили больше. Дети бедных иногда совсем освобождались от платы. Если отец отдавал в школу двух сыновей, то за одного он платил, например, в год 12 литовских грошей, а за другого только 6. Нередко платили за обучение натурой: хлебом, скотиной, дровами, сеном и т. п.[24]

В Виленской и Могилевской братских школах обучение было бесплатным. В королевской грамоте Сигизмунда III к могилевским мещанам за 1602 г. говорится: «В школе теж брацкой дети братьи уписное и убогих сирот, языка Русского, Греческого, Латинского и Полского, накладом брацким, даром учити повинны...»[25]

Иногородние ученики жили у родственников, людей, которых хорошо знали в школе или в общежитии. Контроль за учащимися со стороны учителей был постоянным как в школе, так и дома. Учителя навещали учащихся на дому, в общежитии, были с ними на прогулках, посещали вместе церковные богослужения.

В белорусских братских школах имели место попытки создания классно-урочной системы. Однако в полном смысле слова о ней говорить не приходится. Основоположником классно-урочной системы является, как известно, Я. А. Коменский (1592—1670). И все же элементы ее наблюдались именно в братских школах, что видно, в частности, из школьных уставов.

Учащиеся в школе делились, как правило, на три группы (группа — прообраз класса.— *В. М.*). В первой дети распознают буквы и складывают, в другой — читают и выучивают наизусть уроки, в третьей — приучаются объяснять прочитанное, рассуждать и понимать (§ 9 «Порядка школьного»)[26].

В Виленской братской школе в 1617—1619 гг. в связи с повышением качества обучения учащиеся подразделялись на пять групп (классов) (об этом, в частности, говорится в письме Львовскому братству, см. ниже с. 48.— *В. М.*). Такое выделение классов было осуществлено впервые. И лишь значительно позже, во второй половине XVII в., аналогичная классно-урочная система была введена в Киево-братской школе (коллегии). Так же, как впоследствии и у Я. А. Коменского, название классов в Виленской братской школе определялось учебным предметом, который был в данном классе основным. Так, первый класс, например, назывался классом русского (белорусского) языка, второй — классом славянского и греческого языков, третий, четвертый и пятый — классами латинского языка (т. е. инфима, грамматика и синтаксима).

Исследователи до сих пор спорят о том, кому принадлежит приоритет классно-урочной системы: братским школам или школе Я. А. Коменского. Действительно, трудно разрешить этот вопрос, если ссылаться на Киево-братскую школу, ибо и в ней, и в школах Я. А. Коменского классно-урочные системы возникли как бы одновременно и независимо одна от другой. Но вопрос отпадает сам собой, если обратиться к опыту работы белорусской Виленской братской школы. Создание классно-урочной системы обучения в этой школе падает на 1617—1619 гг., когда Я. А. Коменский еще только начинал свою сознательную, творческую деятельность и не написал еще ни одной работы по дидактике. Безусловно, Я. А. Коменский знал о работе Виленской и других братских школ, а также о системе обучения в них[27]. Это в определенной мере позволило ему в дальнейшем создать более совершенную, глубоко и научно продуманную классно-урочную систему обучения. Однако приоритет в создании классно-урочной системы, пусть несколько при-

митивной и элементарной по форме и содержанию, принадлежит Виленской братской школе.

Каждую неделю в братских школах выбирались 2—4 дежурных. Они следили за чистотой и порядком, поведением учащихся не только в школе, но и на улице, в церкви. В помощь учителям, особенно это имело место в Виленской школе, выделялись из старших успешно занимающиеся учащиеся, так называемые протосхолы, которые помогали младшим ученикам понять и усвоить изучаемый материал, нередко занимались с ними после уроков, следили за их поведением и нравственностью.

Кроме того, протосхолы из бедных семей часто становились домашними наставниками и опекунами детей богатых, получая за это определенную плату. К. Харлампович называет несколько домашних наставников («педакгогов») из числа учащихся старших классов Виленской братской школы. Это «педакгог» Тимофей Фирс Ольшевский, опекавший сына князя Огинского; Мартин Войславский, отвечающий за успехи в учении малолетних родственников пана Яна Дубовича[28].

Дисциплина в братских школах была строгой. Пропуск, например, занятий в течение двух дней без уважительных причин был вполне достаточным основанием для исключения из школы. При этом учителя или старшие ученики по их указанию выясняли предварительно причину пропуска (болезнь, лень, азартные игры и другие). Исключению подвергались также учащиеся, обвиняемые в пьянстве, воровстве, сребролюбии, блуде, клевете и гордости (§ 17 и 20 «Порядка школьного» второго Луцкого устава).

Надлежащая дисциплина и старание требовались от учеников во время занятий в школе. В первом уставе Луцкой школы говорится: «В часы учебные, поутру и после обеда все обязаны быть в школе налицо и приходить впору. Со всевозможною тишиною, без разговоров, шептаний, перемижек и переходов друг к другу, каждый, сидя на своем месте, должен слушать, уразумевать и замечать все, что будет читано, сказываемо и диктуемо учителем, стараясь всеми силами, чтобы все слышанное мог выразить, подобно учителю»[29].

Наиболее распространенными наказаниями провинившихся учеников были: увещевание, выговор или донесение школьному дозорцу. Очень редко в братских школах

применялось физическое наказание. В Виленской школе, например, старшие учащиеся полностью были освобождены от телесных наказаний. Это было особенно разительным по сравнению со многими польскими и западными школами того времени, где розга была частой гостьей в учебной и воспитательной работе. О демократическом подходе к вопросу о наказании учащихся говорят и сами уставы братских школ. «А учитель, взяв порученное ему дитя,— говорится во втором Луцком уставе,— должен заботливо учить его полезным наукам: за непослушание наказывать, но не тирански, а наставнически; не сверх меры, а по силам; не с буйством, а кротко и тихо...»[30]

Несмотря на то, что «Домострой», следуя библейскому совету о жезле, рекомендует сокрушить сыну ребро железом, ибо «он от этого здравее будет», мы имеем полное основание утверждать, что библейский жезл служил, главным образом, устрашающим началом и не имел частого применения.

О том, что у славян вообще физическое наказание редко применялось, свидетельствует «Степенная книга» — памятник культуры и просвещения XVI в. Автор этой книги (возможно, Макарий.— *В. М.)* не только не одобряет физических наказаний, но и призывает не применять их. «Учите же их (детей.— *В. М.)* ни яростию, ни жестокостию, ни гневом, но радостовидным страхом и любовным обычаем, и сладким поучением, и ласковым рассуждением»[31].

О демократичности братских школ говорят пункты из уставов, где подчеркивается равенство всех учеников, независимо от их материального положения. Только успехи в ученье должны определять положение ученика. В «Порядке школьном» (§ 3, 4 и 5) говорится: «Седати мают каждый на месци своем певном назначенном ведле науки, который больше умеет сидети будет выше, бы и бардзо нищ был, который меньш умети будет на подлейшом месци сидети мает... Богатый над убогим в школе нечим высшим не мают быти, только самою наукою, плотию же равно вси, все бо есми о Христе братия... Учити дидаскал и любити мает дети вси заровно, як сынов богатых, так и сирот убогих...»[32] Безусловно, было бы наивным полагать, что в братских школах наблюдалось всеобщее равенство. В классовом обществе не мог-

ло быть равенства. Однако положения, записанные в уставах, защищали в определенной мере бедных учеников от произвола богатых и позволяли им при поддержке прогрессивных учителей отстаивать свое человеческое достоинство.

Распорядок в братских школах, с учетом некоторых отклонений, был примерно таким. Ученики приходили в школу к девяти часам утра (в зимнее время, в холодные дни — несколько позже) и занимали закрепленное за каждым в соответствии с успехами место. Занятия начинались с молитвы. Потом каждый ученик рассказывал заданный урок и показывал домашнее письменное задание. Затем учитель объяснял новый материал, после чего ученики выполняли упражнения по только что изученному. После обеда занятия продолжались. Обычно ученики списывали задание на следующий день и учили уроки, спрашивали и проверяли друг друга под контролем учителя или протосхолов. Занятия заканчивались молитвой. Дома ученики должны были рассказать родителям или хозяевам квартиры выученный урок и показать уже выполненное письменное задание. В субботу, как правило, повторяли в школе все, что пройдено за неделю. В субботу и праздники особое внимание уделялось религиозному воспитанию. Велись беседы с учениками о боге, святых, аде и рае, о назначении человека, обсуждались вопросы нравственности и поведения человека. При этом ученики систематически посещали церковные богослужения, как правило, вместе с учителем, который следил за их поведением в церкви, пресекал всякие шалости.

Говоря о работе братских школ, нельзя не коснуться деятельности учителей. Нередко учебной и воспитательной работой в братских школах занимались выдающиеся деятели культуры, науки и просвещения того периода.

Братства, нанимавшие на работу учителей, строго следили за их работой и нравственностью. Несколько статей или параграфов школьных уставов специально посвящены учителям и перечисляют нравственные качества, которыми они должны обладать, а также требования, предъявляемые к ним. В статье 1-й второго Луцкого устава говорится: «Даскал, или учитель, сей школы должен быть благочестив, рассудителен, смиренномудр, кроток, воздержлив, не пьяница, не блудник, не гневлив, не завистлив, не смехотворец, не сквернослов, не чародей, не басносказатель, не пособник ересей, но поспешник благочестия, во всем представляя собою образец благих дел»[33].

Такие высокие требования не предъявлялись в то время к другим профессиям, даже к священникам. А учитель нередко должен был еще выполнять те или иные обязанности церковнослужителей. Этим, пожалуй, и объясняется, что учителей братских школ иногда называли дьяками.

Учителями братских школ, как правило, были высоконравственные люди. При этом не меньшее внимание уделялось качеству образованности учителя, его умственным способностям. Братства часто зачисляли учителями в школу только после пробных уроков. Таким образом был зачислен учителем Виленской братской школы известный и образованный человек — Кирилл Транквиллион (1592)[34].

Если учитель не выполнял требований братства и нарушал школьный устав, его освобождали от работы и даже не разрешали жить в данной местности. В статье 20-й второго Луцкого устава говорится: «Если бы сам учитель... был виновником таких проступков, которых закон не только не предписывает, но еще запрещает: был бы например, блудник, пьяница, вор, кощун, нерадивец, сребролюбец, клеветник, гордец: такой отнюдь не должен быть здесь не только учителем, но даже и жителем»[35]. В школах Западной Европы не предъявляли таких высоких и строгих требований к учителям.

Одним из виднейших учителей братских школ был Лаврентий Зизаний. В 1592 г. он становится учителем Брестской братской школы, а через три года определяется учителем Виленской братской школы[36], в которой работает до 1600 г. Некоторое время он работает домашним учителем у князей Соломирецких. В 1596 г. Л. Зизаний издает в Вильне «Азбуку» и «Грамматику словенскую». Именно эти книги принесли ему известность в польско-литовском государстве. В одинаковой степени мы можем относить Лаврентия Зизания и его брата Стефана Зизания как к украинским, так и белорусским просветителям. Последний также был связан с Вильной. Доподлинно известно, что он проповедовал в

90-х годах XVIв. в виленском Троицко-Духовском монастыре и церкви святой Троицы. Занимался он и просветительной деятельностью в Виленской братской школе, ректором которой был в 1595—1596 гг. [37]. В архиве Западной Руси также есть сведения, подтверждающие, что С. Зизаний был в Вильне «дидаскалом школьным»[38]. О последних годах его жизни сведений нет. Видимо, он постригся в монахи. Умер С. Зизаний до 1621 г. Наиболее известными его работами были: «Катехизис» (1595 г.— до нас не дошел), «Казанье св. Кирилла Иерусалимского» (1596) и «Изложение о православной вере» (1596). Все эти произведения были написаны в Вильне.

К числу выдающихся учителей школы в Евью и Виленской школы принадлежит Мелетий Смотрицкий (впоследствии за несколько лет до смерти принял униатство.— *В. М.*). Главным его произведением является «Грамматика словенска», изданная в 1619 г. в Евью под Вильной. Эта грамматика была одной из самых совершенных в свое время. Недаром ее М. В. Ломоносов назвал «вратами учености».

Известными учителями Виленской школы были Леонтий Карпович и Иосиф Бобрикович. Некоторое время каждый из них исполнял обязанности ректора школы. В этой же школе развернулась педагогическая деятельность Сильвестра Коссова и Исайя Трофимовича Козловского, докторов богословия (впоследствии оба переехали в Киев, стали сторонниками Петра Могилы и, будучи православными сановниками, нередко шли на компромиссы с королевской властью и католиками.— *В. М.*). Известны имена таких учителей, как Тимофея Грибача, Афанасия Стрелецкого, Федора Тарасовича, Саввы Андреевича (все из Могилевской братской школы)[39].

Не приходится удивляться, что лучшие и самые образованнейшие учителя работали именно в Виленской братской школе. Во-первых, эта школа, наряду со Львовской, была главной соборной, где имел место самый высокий уровень образования. Не в последнюю очередь все это объясняется также и тем, что в Вильне и рядом в Евью находились крупнейшие по тому времени типографии, которые были тесно связаны с другими типографиями в Белоруссии (Несвиж, Заблудов, Лоска, Кутейно и другие). Таким образом, видные ученые того времени, педагоги, философы и теологи имели возможность печатать свои труды именно здесь. Поэтому подавляющее число восточнославянских книг, напечатанных в XVI — первой четверти XVII в., приходится на Вильну и Белоруссию.

Братские школы были самостоятельными, оригинальными учебными заведениями. Профессор Е. Н. Медынский, отстаивающий эту идею, в основном прав. Однако никак нельзя с ним согласиться, что католические школы не имели влияния на содержание обучения в братских школах (учебные планы, программы, учебники)[40]. Мы знаем, что возникновение братских школ в значительной степени было вызвано созданием католических коллегий (некоторые из коллегий были открыты раньше). Братские школы ставили цель отстоять национальную независимость белорусов и православной веры, боролись с полонизацией и католицизмом и вольно или невольно заимствовали кое-что из арсенала врага. Все это касалось как учебной, так и воспитательной работы с учащимися. Под непосредственным влиянием католических школ в Виленской и Брестской братских школах было введено преподавание польского и латинского языков. В некоторых братских школах естественно-математические науки, польский и латинский языки, т. е. предметы более или менее свободные от теологии, иногда преподавались католиками и протестантами[41]. В свою очередь, в католических и протестантских школах иногда встречались преподаватели из православных, особенно по белорусскому языку[42]. Само преподавание белорусского языка и некоторых предметов на нем в католических и протестантских школах объясняется стремлением этих школ оказать большее влияние на местное белорусское население и определенным влиянием братских школ на эти школы. Таким образом, учитывая оригинальность братских, католических и протестантских школ, мы, тем не менее, имеем полное право утверждать, что они были подвержены определенному взаимному влиянию как в учебной, так и в воспитательной работе.

Содержание обучения в братских школах определенным образом было связано с их названием. Так, в большинстве документов, дошедших до нас, братские

школы именуются греко-славянскими училищами, или школами языка греческого и славянского. Иногда братские школы называют «колеум руский»[43]. Позднее все чаще в документах и указах добавляются языки латинский и польский. Так, например, в указе короля Сигизмунда III о привилегии Виленскому братству от 9 октября 1592 г. говорится: «...кгды им того потреба окажет, также в письме учоных, духовных и светских, так много, колько того потреба окажет, ховати и школы братские науку детем езыка греческого, руского, латыньского и польского в том дому своем братском мети»[44].

Трудно точно определить, на каком языке начиналось обучение в братских школах. Почти во всех исследованиях утверждается, что языком преподавания был славянский и что он занимал главенствующее место среди всех языков. С этим можно согласиться с небольшими оговорками и разъяснениями. Во-первых, в XVI и XVII вв. родной язык белорусский далеко отошел от славянского, языка богослужения. И большинство людей, особенно простых, не понимали славянского языка. Это вынуждало и священников все чаще вести проповеди и церковные службы на белорусском языке. Начиная с Ф. Скорины все больше появляется духовных и светских книг на белорусском языке. Так, на белорусском языке был опубликован «Литовский статут», велась документация, он стал в Литовском княжестве языком государственным. Поэтому можно предполагать, что обучение основам грамотности (чтение, письмо и счет) велось на белорусском языке с постепенным переходом к языку славянскому. И само изучение славянского языка могло быть только параллельным с белорусским, опираясь на который можно строить сам этот процесс. Постепенно славянский язык, по мере того как усваивался учениками, становился языком преподавания, да и то не в полном смысле. Поэтому можно утверждать, что обучение на первом этапе характеризовалось одновременным изучением белорусского и славянского языков. И если учащимся потом и запрещали между собой разговаривать на «простом», т. е. белорусском языке, то это объясняется только стремлением преподавателей быстрее научить учеников говорить на славянском, греческом, а в старших классах — латинском и польском языках.

В статье 20-й второго Луцкого устава говорится: «Школы словенской учение начинается так: сперва научаются складывать буквы; потом обучаются грамматике; притом учатся церковному порядку, чтению, пению. Также приучают ежедневно, чтобы дети один другого спрашивали по гречески, а отвечали бы по словенски; и также чтобы спрашивали по словенски, а отвечали бы на простом языке. Но вообще они не должны между собою разговаривать на одном простом языке, но на словенском и греческом и таким образом ныне тому учатся, приступая к высшим наукам: к диалектике и риторике...»[45]

Эта статья дает общее представление о содержании обучения в братских школах. В таких братских школах, как Виленская, Брестская и Могилевская, сразу были введены латинский и польский языки. В этих школах наиболее полно изучались семь свободных искусств. В Виленской школе — чтение, письмо, счет, грамматика, риторика, арифметика, церковный устав с пением, священное писание, география, диалектика, астрономия, пять языков (белорусский, славянский, греческий, латинский и польский), а также учение о праздниках и учение о добродетелях. Очевидно, что в Виленской братской школе давалось среднее образование.

К содержанию образования в братских школах имеет непосредственное отношение организация обучения. Если на первых порах в братских школах преобладало индивидуальное обучение (что и позволяло ученикам поступать в них в любое время), то постепенно коллективные формы занятий по предметам все более утверждаются и становятся ведущими. Это и явилось причиной точной даты начала занятий для всех учеников — 1 сентября. Особенно ярко, как мы уже знаем, групповые формы занятий, т. е. классно-урочная система, проявились в Виленской братской школе в первой четверти XVII в.

Все буквари, азбуки и грамматики, изданные в конце XVI и начале XVII в., построены на принципе буквослагательного метода обучения грамоте. Это означает, что ученики вначале изучали буквы алфавита от «аз» до «ижицы», различали и запоминали их. Азбуку выучивали наизусть с начала до конца и наоборот. Буквы помещались в разбивку, группами, что заставляло учени-

ков более осмысленно запоминать их. Потом шло изуче ние слогов двухбуквенных и трехбуквенных (*буки+аз=ба; глаголь+аз=га; глаголь+веди+аз=гва*). Посл этого ученики постепенно начинали читать и изучали одновременно слова под титлами и сокращениями (*бг чк, гдь*). В букварях того времени можно было встре тить толковую азбуку, когда на каждую букву в прозе или стихах помещалась фраза, порой бессмысленная по содержанию: *А — аз есмь всему миру свет; Б — бог есмь прежде всех век...; Т — тернов венец возложили на мя Ф — Фарисее же возопиша: возьми, возьми, распни его*[46]

В конце букваря обычно помещались материалы для чтения (афоризмы, молитвы, поучения). Потом перехо дили к чтению «Псалтыря» и «Часослова». Первым печатным букварем был букварь Ивана Федорова, из данный во Львове в 1574 г. Второй букварь, или азбука был издан в Вильне в 1596 г. Лаврентием Зизанием («Наука ку читаню и разуменю писма словенскаго...»). Далее следует назвать букварь Спиридона Соболя, из данный в 1631 г. в Кутейно (под Оршей),— «Букварь сиречь начало учения детем, начинающим чтению извы кати». Несколько ранее букваря С. Соболя, а именно в 1621 г., в Вильне была издана азбука-грамматика, при писываемая М. Смотрицкому, так как она полностью построена на основе его знаменитой грамматики 1619 г. Эта азбука-грамматика объединила в себе букварь и первые сведения по грамматике. Все эти буквари и азбу ки имеют много общего, так как авторы их руководство вались первым букварем И. Федорова. Одновременно они являются продолжением и развитием первого бук варя. Например, в конце букваря Л. Зизания (1596) впервые помещаются «Лексис», т. е. толковый словарь церковно-славянских слов с толкованием значения мно гих из них на белорусском языке. В букваре Спиридона Соболя трех- и четырехбуквенные слоги впервые приоб ретают осмысленный характер (не *гва, дра*, а *твой, мой рай*).

Органически была связана с букварями и азбуками грамматика, которая является их закономерным про должением. Грамматика была одним из ведущих пред метов в братских школах. Первой славянской граммати кой является грамматика, изданная в Вильне в 1586 г. в типографии Мамоничей. Название этой грамматики

анимает целый абзац в 12 строк. Начало названия акое: «Бога благаго благодатию, а за прозбою жите ей столицы Великого князства Литовского града Виль и. Сия Кграматыка словеньска языка...» Эта первая лавянская грамматика является почти точным перево ом греческой грамматики Иоанна Дамаскина.

Славянской грамматикой, а вернее, греко-славянской вляется грамматика «Адельфотес», изданная в 1591 г. Львове. Составителями этой грамматики являются Ар ний Элассонский и его ученики из Львовской братской колы. Она представляет собой, в основном, переделку реческой грамматики Константина Ласкариса. Грамма ка напечатана на двух языках — греческом и славян ком, что и дает право называть ее греко-славянской.

Важным этапом в развитии грамматики как науки и вершенствовании ее преподавания явилась граммати а Лаврентия Зизания, изданная в Вильне в 1596 г. подлинно она называется так: «Грамматика словень а совершеннаго искуства осми частій слова, і иных ждных. Новосъставлена Л. Z.». Грамматика состоит трех частей: орфографии, просодии и этимологии. ней даются толкования восьми частей речи, «каноны» авописания, правила стихосложения. Значительная сть грамматики излагается на славянском и белорус ком языках. Это, безусловно, способствовало более ыстрому и основательному ее усвоению и еще раз тверждает мысль о том, что славянский язык в брат ких школах не изучался самостоятельно, отдельно от елорусского языка.

Безусловно, высшей ступенью в развитии грамматики ого периода явилась грамматика Мелетия Смотрицкого, зданная братской типографией в Евью (под Вильной) 1618 г. Начало ее названия: «Грамматики словенския равильное синтагма потщанием многогрешного мниха Іелетия Смотриского...» Грамматика Мелетия Смотриц ого является наиболее полной и обстоятельной (248 истов). Недаром в течение 150 лет она была настоль ой книгой во всех славянских школах и училищах. Ею ользовались в школах Болгарии и Румынии. И, как мы наем, ее высоко ценил М. В. Ломоносов, впоследствии ам написавший еще более совершенную грамматику, оторая и положила конец монопольному господству рамматики Смотрицкого.

Из языков, изучаемых в братских школах, особ
внимание уделялось *славянскому,* который был
только предметом изучения, но и языком преподав
ния. Об изучении славянского и белорусского язык
уже было сказано при анализе первоначального обуч
ния грамоте и в связи с таким предметом, как граммат
ка, поэтому мы ограничимся некоторыми замечаниям
Славянский, или, как его нередко называли, церков
славянский язык выступал как одно из средств единен
всех восточных славян (русских, белорусов и украи
цев) и особенно ярко подчеркивал их родство и бл
зость. На славянский язык перевели почти все учебни
братских школ. Делались попытки доказать его п
имущество перед латинским, польским, простым «р
ским» и даже греческим языком (М. Смотрицки
А. Курбский, И. Вышенский и другие).

Несмотря, однако, на то, что славянский язык вс
чески превозносился и ставился на первое место, он
мог вытеснить «простейший и подлейший» *русск
(белорусский) язык.* Это и понятно, ибо осн
ная масса людей, в том числе и среди зажиточных сл
населения, говорила на белорусском языке. Поэто
белорусский язык занимает все более видное мест
учебном и воспитательном процессе, в школах и в бо
служении. Он становится самостоятельным предмет
преподавания в братских школах. Даже в тех школ
(например, Минская), где он не значился отдельн
предметом, его преподавали и изучали вместе со слав
ским языком. Начиная с Ф. Скорины, появляется цел
ряд церковных, учебных и светских книг, изданных
белорусском языке («Библия» Ф. Скорины (1517), «Пе
сопницкое Евангелие» архимандрита Григория (15
«Учительное Евангелие» (1616) и другие).

Тем более нельзя было не изучать белорусский яз
в братских школах, так как он был языком государ
венных актов и документации в Великом княжес
Литовском. Поэтому даже в католических и протеста
ских училищах, находящихся на территории Белорусс
при организации учебного и воспитательного процес
приходилось учитывать, что почти все окружающее
селение и ученики этих школ разговаривали на белор
ском языке.

Большое внимание уделялось в братских школ

греческому языку. Само название школ (а чаще всего они назывались «греко-славянскими» училищами) говорит об этом. На греческом языке были написаны основные канонические труды по православию. Православному духовенству любой нации, тем более белорусам, украинцам и русским, приходилось постоянно обращаться к религиозным сочинениям на греческом языке, например, к сочинениям Иоанна Златоуста. Христианская религия пришла к восточным славянам из Греции еще в X в. Грамотные православные славяне изучали на греческом языке «Апостол», «Библию», сочинения Аристотеля и Платона, когда они еще не были переведены на латинский язык. В XV—XVII вв. православному духовенству приходилось постоянно обращаться к первоисточникам на греческом языке при проверке правильности религиозных толкований Библии, Евангелия, Апостола и других религиозных сочинений, изданных на славянском или «простом», русском языке. Кроме того, православный люд польско-литовского государства и России находился под юрисдикцией константинопольских патриархов. Последние писали грамоты и письма православным митрополитам, архиепископам и прочим лицам на греческом языке. Патриархи, особенно Иеремия, принимали некоторое участие в создании братских школ. Правда, это участие чаще всего выражалось в благословении или призыве к православным собирать средства на открытие училищ и типографий при них. Следует отметить, что это играло не последнюю роль при открытии братских школ.

Наиболее распространенными учебниками греческого языка были львовская грамматика «Адельфотес» (1591), греческие грамматики Иоанна Дамаскина и Константина Ласкариса. В качестве учебников использовались также Библия, Евангелие, Апостол, сочинения Аристотеля, Цицерона и Сенеки, изданные на греческом языке.

Вначале в Вильне, Бресте и Могилеве, а потом и в других братских школах стали изучать *латинский и польский языки,* ибо на территории польско-литовского государства нельзя было не изучать их: на латинском языке в основном велись проповеди и богослужения в католических костелах, проводились заседания и велась документация в сейме, судах и трибуналах. Латинский язык был языком науки в университетах, в

том числе Краковском, и Виленской академии. На по
ском и латинском языках создавалась религиоз
полемическая и светская литература. И постепен
особенно к середине XVII в., он становится в польс
литовском государстве языком литературным. Имен
в этот период возрастает интерес в братских школах
изучению латинского и польского языков. Оба эти яз
ка, как правило, хорошо знали образованные люди и
среды белорусов. На польском языке белорусами нер
ко даже писались религиозно-полемические сочинен
против католицизма (С. Будный, С. Зизаний, М. См
рицкий и другие). Влияние латинского и польского яз
ков увеличивалось, как правило, за счет уменьшен
роли и значения греческого и славянского. И это выз
вало нарекания со стороны просветителей белорусско
народа. Так, М. Смотрицкий в своем анонимном прои
ведении «Фринос, или Плач восточной церкви» осужда
католическую церковь за то, что она устанавлива
свое господство на русских землях (Белоруссия и У
раина), уничтожает православие, эксплуатирует местн
население и забирает у них все. «Эти изобретательн
папочки все захватывают, все забирают,— писал он,
все пожирают и чувствуют себя в безопасности, ибо
Риме их суд, в Риме — законы, в Риме — возмездие»[47].

Иногда латинский и польский языки в братских шк
лах преподавали протестанты или католики. Наприме
известно, что в Виленской братской школе латинск
язык в 1617, 1621 гг. и позже преподавали «иноверн
немцы»[48]. Следует подчеркнуть, что изучение тако
количества языков в братских школах было не сам
целью. Языки были ключом к теологии, наукам и кул
туре греческой и Западной Европы. Этим, в определе
ной степени, объясняется та логическая структура уче
ных планов братских школ, особенно Виленской, пред
сматривающих изучение диалектики и других част
философии, а также риторики (в последних классах).

Диалектика, или *логика,* преподаваемая
братских школах, призвана была подготовить ученик
к разумным, логическим разоблачениям католическо
веры, глубокому анализу религиозно-полемической
светской литературы. В качестве учебника, видим
широко использовалась «Диалектика» Дамаскина (фил
софский раздел его сочинений, переведенный уже

латинского языка на русский А. Курбским). Так как в «Диалектике» Дамаскина, включавшей в себя сведения по физике и метафизике, были слишком краткие и неглубокие описания закономерностей логики, то Курбский решил добавить к переводу еще толкования из других пособий по диалектике и свои собственные, в том числе о силогизмах. Поэтому мы имеем право назвать А. Курбского автором первой диалектики на русском языке. «Диалектика» Курбского была издана в Вильне в 1586 г. Вот характерные для этой диалектики логические умозаключения: «Всякий зверь есть существо. Сего ради всякий человек есть зверь. А сего ради всякий человек есть существо; Ни един камень есть животное. Всякий человек есть животное. А сего ради ни один человек не есть камень; Всякая гордость имеет окаянный конец. Всякая гордость умножается от преизобилия вещей. А сего ради излишнее имеет вредный конец; Ни едино разумение — есть бессловесное. Осел есть бессловесен. А сего ради осел не есть разумен»[49].

Курс диалектики в братских школах в значительной степени строился и на произведениях Платона, Аристотеля, Цицерона, Сенеки и Эпикура. Эти же произведения широко использовались и при изучении *риторики* или науки о красноречии. Использовалось также греческое руководство по красноречию. Все более высоко ценилось красноречие в проповедях религиозного характера, выступлениях на съездах, сходках, суде, беседах в кругу друзей. Риторика имела прямое отношение к диалектике и богословию. Умные, красноречивые проповеди и диспуты по различным аспектам религии были более убедительными и доступными. Учащиеся учились произносить красивые речи по поводу каких-либо исторических событий, праздников, по случаю приезда уважаемых и почетных гостей.

К. Харлампович кратко анализирует пять речей, подготовленных учениками Виленской школы по случаю рождества Христова и пасхи, произнесенные в 1617, 1618 и 1621 гг. перед архимандритом Л. Карповичем и Смотрицким (последняя из речей)[50].

Риторика была тесно связана с литературой, в частности с поэзией и драматургией. Выступления и речи нередко строились в драматической форме. Выступало несколько человек (первый лик, второй лик, третий лик).

Иногда эти речи составлялись и писались в стихотворной силлабо-тонической форме. Здесь чувствуется влияние М. Смотрицкого. «Верши» и речи в стихах особенно были распространены в Виленской и Брестской братских школах. Так что риторика сыграла немалую роль в развитии драматургии и поэзии.

Риторика, касающаяся религиозных и религиозно-полемических проповедей и выступлений, называлась *гомилетикой.* Собственно, гомилетика — это наука о христианском проповедничестве. Главная проблема гомилетики — это существо и формы проповеди.

Порой трудно определить, к чему относится то или иное выступление или проповедь,— к риторике или к гомилетике. Так, например, казалось бы, чисто светские выступления часто пересыпались выдержками из текстов священного писания. Тем более это подтверждает, что риторика и гомилетика касаются одной и той же проблемы красноречия как в светских, так и в религиозных проповедях.

О том, что в братских школах уделялось немало внимания риторике и гомилетике, имеется ряд свидетельств. Так, Виленская школа ставила цель подготовить «не точию во градех, но и в весех искусных... иереев»[51]. Подобная запись является документальным свидетельством влияния Виленского братства и школы на сельское население.

Астрономия как предмет изучалась в большинстве братстких школ и, видимо, не поверхностно. Во втором уставе Луцкой школы (статья № 13) говорится об изучении «лунного течения». Из этого, безусловно, нельзя судить о глубине изучения «лунного течения», т. е. астрономии. Преподавателям астрономии была известна птоломеевская система мироздания. В то время она была наиболее приемлемой. В учебных и богословских книгах (например в «Катехизисе», «Азбуковниках» и других) наряду с фантастическим описанием создания мира богом (земля для людей, небо для бога, для солнца, звезд и луны) имеются довольно объективные описания формы Земли, сущности метеоритов («пламенные обломки небесного огня»), грома и молнии.

Наиболее образованные и передовые учителя братских школ, в первую очередь братья Стефан и Лаврентий Зизании, были знакомы с гелиоцентрической системой

Николая Коперника и были ее сторонниками. У братьев Зизаниев даже проскальзывает мысль о бесконечности вселенной. Об этом же свидетельствуют обвинения, выдвинутые против «Катехизиса» Л. Зизания московским духовенством в феврале 1627 г. Одно из этих обвинений касается астрономических взглядов Л. Зизания. Ему поставили в вину то, что он в своем «Катехизисе» пишет «о крузех небесных, и о планитах, и о зодиях, и о затмении Солнца, о громе и молнии, и о тресновении, и о шибении, и о перуне, о комитетах и прочих звездах»[52]. Из этого ясно, что Л. Зизаний имел более глубокие познания в астрономии, нежели его оппоненты — московское духовенство.

Изучение *математики* в братских школах в основном сводилось к арифметике. Во втором уставе Луцкой школы говорится, что ученики «...должны учиться... и счету и вычислению». В XVII в. была издана «Счетная мудрость», куда вошла арифметика. Полностью эта работа называется так: «Сия книга глаголема по гречески арифметика, а по немецки алгоризма, а по руски цифирния счетная мудрость»[53]. В «Счетной мудрости» называется уже миллион или леодр, который якобы является пределом познания человека в счете. Безусловно, все основные сведения по счету, сложению, вычитанию, умножению, делению носили практический характер и применялись при различных подсчетах экономического характера, например, определении сроков церковных праздников, в доказательствах преимущества юлианского календаря перед григорианским.

Сведения по *геометрии* также носили практический характер, использовались главным образом при измерении земли и строительных работах.

Музыка преподавалась во всех братских школах. При этом следует иметь в виду, что под музыкой, как правило, понималось церковное пение без сопровождения на музыкальных инструментах. В статье 13-й второго Луцкого устава говорится об изучении «правил церковного пения». Ученики изучали ноты церковного пения и записывали их в нотные тетради («партесы»).

История и *география* не преподавались как отдельные предметы. Однако сведения по ним учащиеся, безусловно, получали. Исторические данные черпались, главным образом, из летописных источников, риторики,

диалектики, текстов священного писания, житий святых. И поэтому сведения нередко носили фантастический характер. Элементы географических знаний включались в астрономию и диалектику. Это, например, описание поверхности Земли или метеорологических явлений.

Изучение всех вышеназванных предметов было не одинаковым в братских школах. Если в Виленской и других крупных школах знания по предметам давались глубокие и обстоятельные по тем временам, то в небольших школах нередко ограничивались общими сведениями.

Большое внимание в братских школах уделялось вопросам воспитания учеников и в первую очередь их нравственному воспитанию. Мы не должны забывать, что все обучение и воспитание в школах было пронизано религией. Поэтому воспитание добродетельного христианина было одной из важных задач учебно-воспитательного процесса. При этом религиозно-нравственное воспитание в братских школах не было чем-то оторванным от жизни и парящим в воздухе, оно исходило из практических целей и задач, стоящих перед людьми. Еще в XI в. Владимир Мономах в своем знаменитом поучении детям отмечал, что богу следует угождать делами, а не монашеским отшельничеством. Этот реальный практицизм, одетый в религиозную оболочку, определял все содержание воспитания учащихся и в братских школах.

Если школьные уставы подчеркивают необходимость высоких добродетелей у учителя, то это только потому, что он обязан и учеников воспитывать такими же добродетельными, как и сам. В статье 1-й второго Луцкого устава об этом говорится: «В таких добродетелях да пребывают и ученики, как их учитель».

В уставах мы часто встречаем нравственные понятия: «чистый юношеский нрав», «добродетель и целомудрие», «почитание», «послушание», «уважение», «благие дела», «благочестие», «рассудительность», «кротость», «смиренномудрие» и другие. Безусловно, воспитанию этих добродетелей и нравственных качеств у учеников уделялось повседневное внимание в школе, семье, церкви, на улице.

В уставах осуждаются такие отрицательные нравственные черты и явления, как «тиранство», «буйство», «пьянство», «гневливость», «завистливость», «ложь», «лицемерие», «сквернословие», «блуд», «лукавство», «небрежность», «леность», «нерадение», «воровство», «сребролюбие», «клевета», «кощунство».

Особое внимание нравственному воспитанию учеников уделялось в субботние и праздничные дни. В эти дни учитель был обязан проводить с учащимися систематические беседы на религиозно-нравственные темы.

Таков краткий анализ содержания учебно-воспитательной работы в братских школах Белоруссии.

Виленская братская школа является первой и самой старейшей. Вызывают удивление попытки некоторых исследователей доказать, что раньше всех была открыта именно Львовская школа (1586), а Виленская — позднее. Так, например, в «Історіі педагогіки», изданной в Киеве в 1973 г. (с. 123), ошибочно утверждается, что Виленская школа была окрыта в 1592 г. Даже поверхностное знакомство с работами К. Харламповича и Е. Н. Медынского[54] подтверждает, что Виленская братская школа открыта не позднее 1585 г. Мы имеем полное основание утверждать, что открытие Виленской школы относится к 1584 г., если не ранее.

Подтверждением этому является указ короля Стефана Батория от 27 мая 1584 г. Король разрешил православным виленским мещанам часть доходов Троицкого монастыря расходовать на «выживенье архимандрита... на сбудованье школ, на выхованье людей в письме умелых, для науки детей народу закону греческого, которые вси люди в том монастыри и при монастыри мешкати (жить — *В. М.*) будут, и на всих иных людей...»[55]. Этот указ короля был написан в ответ на просьбу православных виленских мещан и был своего рода уступкой со стороны королевской власти. Нельзя даже и думать, что Баторий, ярый католик и распространитель католицизма, по своей инициативе мог предложить или даже поддержать идею открытия православной братской школы в Вильне. Инициативу Баторий проявлял только при открытии католических коллегий. Именно при его поддержке и по его указу Виленская иезуитская коллегия была превращена в 1578 г. в Академию со всеми правами университета.

Можно предположить, что при Троицком монастыре существовала приходская православная школа, не имеющая ни специального помещения, ни определенного

штата преподавателей, кроме дьячка или священника, и имеющая всего несколько учеников. К сожалению, нет достаточного фактического материала, который бы подтвердил эту идею. Однако это предположение не лишено некоторых оснований. Безусловно, такая элементарная школа не могла удовлетворить ни духовенство, ни православных мещан. При этом школа не имела ни морального, ни юридического права на существование, о чем прекрасно знали православные Вильны. Ведь был указ того же короля Батория от 27 марта 1577 г., который запрещал без разрешения открывать и строить в Вильне школы и храмы, «...чтобы никто, какого бы он не был достоинства и звания, не строил и не пытался строить публично и приватно никакого храма, дома или двора для открытия школ и собраний в городе нашем Вильне, а в построенных домах не заводил школ или каких-нибудь не вошедших в обыкновение собраний...»[56]. Таким образом, желая получить юридические права на существование школы, православные мещане Вильны и обратились к королю с просьбой об официальном разрешении иметь школу. И король, вопреки своим желаниям, опасаясь обострения отношений с белорусами, удовлетворил эту просьбу.

Виленская братская школа довольно быстро набирала силы. Она впервые из всех православных школ стала использовать в учебном процессе печатные учебники и книги. В Вильне в то время сохранилось немало книг, напечатанных еще Ф. Скориной на белорусском языке. Это «Библия Руска» и «Псалтырь» (изданные в Праге в 1517—1519 гг.), «Апостол» и «Подорожная Книжица» (изданные в Вильне в 1525 г.). «Подорожная Книжица» состояла из пяти частей («Псалтырь», «Часословец», «Акафист», «Шестиднев» и «Соборник»). В 1562 г. в Несвиже С. Будный издал на белорусском языке «Катехизис» и «О оправдании грешного человека перед Богом». В 1569 г. П. Мстиславец совместно с И. Федоровым издал в Заблудове «Евангелие учительное». В следующем году (1570) В. Тяпинский издает в кочующей типографии «Евангелие». П. Мстиславец в Вильне в 1575 г. издает «Евангелие напрестольное», а в 1576 году «Псалтырь» и «Часословец». В 1586 г. Мамоничи в Вильне издали «Грамматику славянского языка». В этом же году в Вильне издал «Диалектику» А. Курбский.

Все эти книги были широко распространены в то время в Белоруссии и особенно в Вильне и являлись учебниками, по которым изучались не только письмо, чтение и теология, но и давались определенные сведения по истории, географии, астрономии, риторике, диалектике и другим наукам.

Виленское братство и его школа имели вначале монополию на книги, изданные типографским способом. А другие братские школы и братства, образованные позднее, не раз обращались с просьбой прислать им книги. И это вполне объяснимо, ибо Виленское братство и школа, как старейшие, обладающие наиболее сильной типографской базой (в Вильне и Евью), оказывали определенное влияние на развитие всех братских школ в Белоруссии и на Украине. Даже Львовская братская школа, основанная несколько позднее, также обращалась к Виленскому братству с просьбой прислать ей книги, в частности «Маргарит». Эта просьба Львовского братства оформлена в виде послания от 8 мая 1587 г. Виленское братство в своем ответе обещало прислать свой «чин» (устав.— *В. М.*) и вообще посылать, что понадобится»[57].

В следующем году, а именно 28 мая 1588 г., Виленское братство в послании Львовскому братству благодарит за доставленную львовскую грамматику и сообщает, что в свою очередь посылает им книги «Чин Виленского братства» и «Маргарит»[58]. В книге «Маргарит» имеется критика арменьской ереси. Это весьма примечательно. Значит, Виленское братство имело хорошо образованных и подготовленных проповедников, которые были в состоянии отстаивать чистоту православия, разоблачая различные ереси, в том числе и арменьскую. Отсюда закономерно возникает убеждение, что Виленское братство и школа были своего рода хранителями чистоты православия и знакомили со своей критикой и анализом еретических течений другие братства, в том числе и Львовское. И в этом нет ничего удивительного, ибо Виленское братство и школа были на самом острие борьбы православия с католицизмом, другими религиозными течениями и полонизацией. В Вильне, в отличие от других городов Белоруссии и Украины, было много католиков как литовского, так и польского происхождения. По крайней мере они составляли половину или

даже более всего населения Вильны. А православные, в основном белорусы, составляли, видимо, меньшую часть. Такого положения не было в других городах, например, в Бресте и Могилеве, а на Украине — в Киеве и Львове. Поэтому борьба между православными и католиками в Вильне была наиболее острой и жестокой.

После 1584 г. польские короли издают ряд указов, подтверждающих право православных открывать школы. Так, например, в 1585 г. в указе короля С. Батория говорится о праве православных «...церкви религии своей, страннoприемницы или гостиницы и гимназии как каменные, так и деревянные основливать, созидать, обогащать»[59].

В 1588 г. Виленское братство, пользуясь тем, что, следуя по пути в Москву, в Вильну заехал константинопольский патриарх Иеремия, показало ему «чин братства» на предмет рассмотрения, исправления и утверждения. Патриарх охотно утвердил устав братства и ее школу. Иеремия в своей санкции позволил «...и школу братскую в дому братском, языка греческого, латинского и руского имети. Також и друкарню вся книги ветхого и нового завета по святых отец преданию печатати»[60].

Виленское братство добивается от короля дополнительного «привелея», который подтверждает устав братства и разрешает печатание книг. Этот «привелей», или указ короля Сигизмунда III, был издан 21 июля 1589 г. В нем, в частности, говорится, что Виленское братство имеет право «...также церкви фундовати и направовати, людей в письме учоных, духовных и светских, до науки школьное и до учения людей у церкви и до спеванья, под справою своею ховати, и книги всякие старого и нового закону так в науце школьной, яко и церкви потребные, по грецку, по словацку, по руску и по польску друковати позволяем»[61].

Несмотря на определенные успехи, Виленская братская школа продолжала находиться в Свято-Троицком монастыре, что мешало увеличивать контингент учащихся и совершенствовать учебно-воспитательный процесс. Необходимо было приобрести или построить специальное здание для школы, и братство в 1591 г. покупает у пана Яна Нарушевича полукаменный дом. Такой же дом в 1592 г. братству безвозмездно подарил Яков Кон-

дратович. Чтобы юридически оформить эти приобретения, Виленское братство обращается к королю с просьбой закрепить за ним оба дома. Король Сигизмунд III, проводивший в начале своего правления несколько либеральную политику в области веротерпимости, 9 октября 1592 г. подписал «привелей», которым подтвердил владение приобретенными домами, право на открытие в них школы, освободил братские дома от городских повинностей и разрешил братству иметь свою типографию[62]. Пожалуй, это было наивысшей благодетелью короля по отношению к Виленскому братству и его школе.

Таким образом, с 1592 г. Виленская братская школа стала размещаться в специально приобретенных полукаменных домах. Это, безусловно, позволило не только значительно увеличить контингент учащихся, но и улучшить качество учебной и воспитательной работы с ними. У Виленского братства возникла острая потребность в учителях высокой квалификации. В первую очередь эта потребность была удовлетворена за счет членов своего братства. Но этого было недостаточно. Поэтому в школу были приглашены на работу немцы. Приглашение прислать учителей греческого языка было послано и во Львовскую школу. Однако это просьба вряд ли была удовлетворена, так как и позже в Виленской школе работали немцы-протестанты. Правда, в 1592 г. в Виленскую школу прибыл из Львова Кирилл Транквиллион. На работу он был принят лишь после того, как подвергся испытаниям (провел несколько занятий с учениками в присутствии ректора и дозорцев). Это объяснялось тем, что в то время Львовская братская школа временно захирела, главным образом из-за притеснения епископа Балабана. В 1592 г. в ней остался только один учитель — Стефан Зизаний[63], да и он в следующем году перешел в Виленскую школу, так как она развернула большую учебно-воспитательную работу, в ней преподавали не только пять языков (славянский, греческий, белорусский, латинский и польский), но и «вшелякие науки». Квалифицированные преподаватели перешли в Виленскую школу и из Брестской школы. Об этом писал брестский епископ Потей 25 марта 1595 г. В частности, он указал: «...же ся школа (Брестская школа.— *В. М.*) разорила через профессоров школьных, которые... за лакомством удавшися, до Вильни на сытшие пироги

отбегли»[64]. В числе «отбегших» из Бреста был и Лаврентий Зизаний. В свое время в Виленской школе работали Кирилл Лукарис, Мелетий Смотрицкий, Леонтий Карпович (выходец из Пинского повета), Иосиф Бобрикович, Сильвестр Коссов, Исайя Трофимович Козловский и другие.

Виленское братство и школа нередко получали богатые пожертвования от православных шляхтичей и магнатов в виде деревень, имений или денежных средств. Одним из больших пожертвований Виленскому братству является передача ему и школе князем Полубенским имения Судерви (Виленский повет). В реестре от 3 декабря 1594 г. говорится, что это имение передается «...от его милости князя Александра Полубенского и от молжонки его милости княгини Зофии Юрьевны, княжны Гольшанское, Братству церковному Виленскому храма светыя и живоначальныя Троицы на колеум школ науки письма кгрецкого, словенского в моц, в владзу, в оборону и шафунок вольный братии Братства поименного вечными часы наданого...»[65].

В 1594 г. на Брестском соборе Виленская школа была признана соборной, ставропигиальной.

Не следует думать, что усиление роли и значения Виленской школы было подобным росту дерева. Католизация и полонизация, обрушившиеся на белорусский народ, не обошли и Виленскую братскую школу. При этом притеснения и гонения на православных были подобны морскому приливу, который отступал на время, создавая иллюзию спокойствия, уравновешенности и даже равноправия с католиками.

Именно в эти периоды отлива и издавались различные указы, предоставляющие те или иные права православным, главным образом белорусским шляхтичам, магнатам и духовенству. Чаще всего эти уступки властей были временными, вынужденными. Сказывались и боязнь измены со стороны белорусских магнатов и перехода их со своими имениями и войсками на сторону русского царя, и усиление мощи Русского государства, и борьба некоторой шляхты и крестьянских масс против католицизма и полонизации, выливавшаяся нередко в стихийные восстания и бунты. Все это заставляло короля идти на уступки православным. Так, 7 июня 1563 г. была издана королевская жалованная грамота, по которой литовское и русское дворянство православной веры уравнивалось в правах с дворянами римско-католической веры[66]. Конечно, это уравнение было скорее условным. В ноябре 1577 г. С. Баторий издал грамоту, в которой призывал удерживать пограничных жителей (католиков) от раздоров с русскими[67]. В следующем году (20 декабря) он снова издает указ, в котором также призывает удерживаться от распрей с русскими[68]. Все эти указы явились результатом обострения отношений Польши и Литвы с Русским государством, в частности, в период Ливонской войны.

Православные сановники, стремясь укрепить и обезопасить работу школ в Вильне и Львове, нередко оказывали сопротивление открытию новых братских школ. Например, 24 июня 1594 г. была издана соборная грамота за подписью киевского митрополита Михаила и епископов владимиро-волынского Ипатия и луцкого Кирилла, которая разрешала иметь только «... школы две соборнейшие, одну у Вильни, а другую у-во Львове, при братствах церковных, по зверхностью архиепископскою; а иные вси малые школы, ко перешкоде школе братской поставленные абы не были: только для помочи священником, при кождой церкви детей по двою или по трою мети вольно»[69]. Однако вопреки явному запрету в дальнейшем братские школы открывались и в других городах.

Наибольшие трудности Виленская братская школа стала терпеть после 1596 г., когда была заключена Брестская уния. В этом же году ксендз Виленского кафедрального собора Мазанович попытался отнять у Виленского братства если не все, то хотя бы часть имения Судерви. Однако этого ему не удалось добиться[70].

После Брестской унии, с 1598 г., организуются нападения на Виленское братство и его школу и всевозможная травля. Так, в апреле 1598 г. студенты Виленской иезуитской коллегии во главе с ксендзом Гелиашевичем напали на братскую школу, пытались разгромить ее, нанесли телесные повреждения ученикам, учителям и церковникам. Виленское братство по этому поводу обратилось в городской суд, а затем в главный трибунал. В частности, свидетели — шляхта и виленские мещане — показали, что иезуитские студенты, «... нашедши на колеум руский, на дом Братский... дахи побили, з ручниц

и луков стреляли, челядь школьную и слуг церковных поранили»[71].

В дальнейшем католики, а потом и униаты не раз нападали на Виленскую братскую школу, всячески препятствовали ее развитию. К тому же король, униатский епископ Ипатий Потей и виленский магистрат начинают притеснять школу. Уже в 1601 г. виленский магистрат подал в королевский суд на Виленское братство, которое якобы без всяких на то оснований отказывалось подчиниться городскому праву. В декрете суда говорится: «Поверенный братства просил сохранить братство при дарованной ему привилегии (освобождение братских домов от налогов.— *В. М.*), так как выше упомянутые дома предназначены на устройство в них школ»[72]. Действительно, такой «привелей» был дан королем братской школе еще в 1592 г. Однако, несмотря на это (т. е. вопреки прежнему королевскому указу) и в связи с усилением наступления католицизма и униатов на православие, королевский суд отменил эту привилегию и подчинил Виленскую школу на общих основаниях городскому праву. Это был значительный удар по Виленскому братству и школе.

Вообще, начало XVII в., особенно первое его десятилетие, было тяжелым для Виленской школы. Кроме всего прочего, сказывались напряженные отношения Польши с Россией. Все это обостряло отношения внутри польско-литовского государства и ухудшало и без того тяжелое положение белорусов.

Начинаются гонения на белорусские книги и типографии. 7 мая 1610 г. король Сигизмунд III издает грамоту, запрещающую жителям Великого княжества Литовского продавать и покупать русские книги, изданные виленской типографией, призывающие к борьбе против духовной и светской власти, т. е. против католицизма и полонизации.— *В. М.*). Вот выдержка из этой грамоты в переводе с польского языка: «Объявляем нашим любезным верноподданным, что до нашего сведения дошло содержание некоторых грамот, отпечатанных на русском языке в виленской русской типографии, представляющих собой пасквиль и призыв к бунту против духовной и светской власти. По-видимому, в этой типографии отпечатано немало книг, наполненных еще худшей клеветой и богохульством... приказываем всем, чтобы никто не осмеливался таких книг, пасквилей и грамот покупать и продавать под угрозой штрафа 5000 злотых в пользу нашей казны и других штрафов, указанных в общем праве, но чтобы каждый их отнимал и сжигал»[73].

Таким образом, началась борьба против белорусских книг вообще, началось всяческое их уничтожение, в том числе — путем сжигания. Это и явилось главной причиной полного исчезновения некоторых книг или резкого уменьшения их количества. Сейчас мы в полной мере ощущаем негативные результаты этого жестокого, антигуманного королевского декрета. Сигизмунд III не останавливается на этом. В листе виленскому войту и магистрату он распорядился закрыть братскую типографию при Свято-Духовском монастыре и всех ответственных за выпуск белорусских книг посадить в тюрьму. «... В этой типографии,— говорится в листе,— печатаются какие-то пасквильные книги против духовной (имеется в виду католической.— *В. М.*) и светской власти и другие подозрительные предметы...» Эти книги предлагалось «сжечь, а наборщиков, корректора и авторов держать в тюрьме впредь до дальнейшего распоряжения»[74]. Видимо, братская типография была закрыта временно, так как издательская деятельность братства не прекращалась. К тому же продолжала работать братская типография в монастыре в Евью, филиале виленской типографии. Так, в 1612 г. в Евью были изданы «Диоптра, або Зерцало и выражение живота людского на том свете», а в 1616 г. «Евангелие учительное». Несмотря на все трудности, Виленское братство возглавляло борьбу белорусского народа против католицизма и полонизации. Деятельность его сравнивалась с восстанием Наливайко. Об этом свидетельствует изданная в Варшаве на польском языке книга «Воскресший Наливайко». Следует отдать должное Виленскому братству, которое, несмотря на сложные условия, оперативно отреагировало на это злостное выступление, издав в 1621 г. в свою защиту и с целью разоблачения подобных выпадов на том же польском языке (чтобы противники православия и белорусского народа смогли прочитать его.— *В. М.*) «Оправдание невинности».

Невзгоды закаляли дух братчиков, которые считали себя ответственными за сохранение самостоятельности и самобытности белорусского народа, его языка и куль-

туры, православной веры. Таким образом, вопреки гонениям, Виленское «... братство множилося, школа росла, людей з ней ученых много и казнодеев мудрых выходит... Што так деется и по сей час»[75].

Увеличение числа учащихся привело к тому, что два старых полукаменных дома, где размещалась школа, оказались переполненными. Поэтому в 1617 г. братство строит каменный дом для школы. Происходит реорганизация школы, она подразделяется на пять классов. Это было связано с дальнейшим усовершенствованием учебно-воспитательного процесса, повышением качества образования. Таким образом, подразделение учащихся по классам и организация с ними групповых занятий было впервые введено именно в Виленской братской школе. 21 января 1619 г. Виленское православное братство сообщает Львовскому: «Божиею помощию сооружихом каменным назданием дом школьный, в пять училищ разделенный, от них же во трех иноверными (скудности ради своих) немцами чтется (имеются в виду три класса латинского языка.— *В. М.),* в четвертом Руская, пятое во Славенскаго и Греческаго языка наказание...»[76]

В этот период, по крайней мере до 1635 г., Виленская братская школа достигает наибольших успехов в своей просветительной деятельности. Это объясняется целым рядом причин. Некоторая стабилизация отношений польско-литовского государства с Россией, приход к власти нового короля Владислава IV, который ослабил натиск католиков и униатов на православие и белорусов, в том числе и на братские школы. Немалая заслуга в возвышении Виленской братской школы принадлежит Иосифу Бобриковичу, который в 1622 г. становится ее ректором. В это время в Виленскую школу приезжают учиться со всей Белоруссии и даже Украины, например, с Острога, хотя Львовская и Киевская братские школы были ближе. Подтверждением этому является также и привелей Владислава IV, в котором Виленская братская школа выделяется как главная. Этот привелей давал право только двум школам, именно Виленской и Киевской, преподавать и изучать греческий и латинский языки[77].

Безусловно, еще многое неизвестно из деятельности Виленской братской школы. Однако те факты и положения, которыми мы располагаем, дают полное право

отметить важную роль этой школы в развитии и распространении просвещения, науки и культуры не только среди средних и зажиточных слоев белорусского населения, но и, в определенной мере, среди бедных и обездоленных городских низов, крестьянских масс.

Сложной является история Могилевской братской школы. На основании опубликованных и архивных материалов можно предположить, что годом ее основания является 1590-й. В 1597 г. Могилевское братство просило короля утвердить их «чин» (устав). Просьба была удовлетворена. В уставе, в частности, говорилось: «В школе теж братской детей братьи уписной и убогих сирот языка и письма Словенского, Руского, Латинского и Польского накладом братским дармо учити повинны водлуг застановленья нашого братского; также и людей в письме учоных, особ духовных и светских, для науки школьной, до проповеди слова Божого, до науки детей и до спеванья, в справе и в звыклости своей ховати мает»[78].

Факты свидетельствуют о том, что Могилевское братство и школа принимали активное участие в борьбе с католицизмом и униатами. 7 августа 1601 г. король Сигизмунд III направил могилевскому магистрату и православному братству грамоту, в которой ставил их в известность, что они привлекаются к королевскому суду за неподчинение униатскому митрополиту. Суть дела заключалась в том, что Могилевское братство, вопреки «привелею» короля С. Батория, построило дом на плацу монастыря Спасского для православной, а не католической школы. В этой грамоте написано следующее: «... абы есте школу христианскую католицкую для науки детей езыка латинского, полского и руского збудовали, не чинечи тому досить, и не зважаючи привелей помененый, под клаштор школы збудовали есте дом на пляцу монастыря Спасского, который под справою и благословенством владыки полоцкого (униатского епископа.— *В. М.)* завжды належит»[79].

Могилевское братство и школа поддерживали связь с Виленским братством. В 1633 г. могилевчане добились «привелея» от короля Владислава IV. В грамоте короля говорилось, что братству разрешается «школы наук вызволеных языков вшеляких мети, семинария и школы фундовати»[80].

4 Зак. 2419

Брестская братская школа была основана в 1591 г. Вначале этой школе оказывал содействие Ипатий Потей. Однако, став униатским епископом, он преследовал учителей школы, которые, не выдержав притеснений, уходили в другие места (например, Лаврентий Зизаний перешел в Виленскую школу с 1595 г.). В 1597 г. Потей вообще передал школу униатам. Это вроде бы было сделано на законных основаниях, так как 26 июня 1597 г. была издана королевская грамота, которая предписывала Ипатию Потею взять в ведение и управление Брестскую русскую школу (т. е. она преобразовывалась в униатскую.— *В. М.*). На содержание школы (теперь уже униатской.— *В. М.*) были пожалованы два монастырских села[81].

Первая Минская братская школа была открыта в 1592 г. при «шпитальном» братстве. О судьбе этой школы почти ничего не известно. Вторая школа в Минске была открыта в 1613 г. петропавловским братством. В это время о первой Минской школе уже не упоминалось. Известно, что вторая Минская школа была тесно связана с Виленской, откуда, видимо, поступали в школу учебники, приходили учителя и православные монахи, оказывавшие помощь в работе школы. В 1633 г. эта школа еще существовала. По крайней мере привелей короля Владислава IV от 18 марта 1633 г. утверждал братскую школу и разрешал Минскому православному петропавловскому братству иметь собственную типографию[82].

Братские школы в Белоруссии, кроме Вильны, Могилева, Бреста и Минска, существовали и в других городах. Например, в Полоцке в 1633 г. была братская школа. Об этом свидетельствует привелей Владислава IV от 19 июля 1633 г., который утверждал фундушную запись браславского земского судьи Севастьяна Мирского на полплаца в г. Полоцке, данная им Полоцкой Богоявленской церкви, с правом постройки на нем монастыря и церкви, школы и госпиталя[83]. Существовали братские школы в Пинске, Бельске, Шклове, Ельне (Виленская губерния), Кронях (Ковенский повет). Можно предполагать на основании косвенных данных, что существовали и другие братские школы. Например, дворянин Долмат Юрковский вместе с женой отдали имение «Новый двор» православному Цеперскому монастырю (при условии непринятия унии и чтобы при монастыре были учреждены училище и госпиталь для бедных и больных). Запись этого завещания зафиксирована 7 декабря 1618 г. в постановлении трибунала в Новгородке (Новгородский повет): «...абы при том монастыри нашом Цеперском школа для учения детей и размноженя хвалы Божое неуставаючая была»[84]. Эта запись дает возможность предполагать, что при Цеперском монастыре была братская школа, о работе которой нам, к сожалению, ничего не известно.

Фундушная запись от 20 июля 1619 г. троцкого подкормия князя Богдана Огинского и жены его Регины Евейскому православному монастырю на основание монастыря с двумя церквями и на устройство в нем школы и типографии также свидетельствует о возможном существовании братской школы в Евью[85].

Кроме братских школ, в Белоруссии в то время было немало других православных школ: приходских, монастырских, частных, а также существовали школы домашнего обучения. Все они в той или иной степени были связаны с братскими школами и, вероятнее всего, возникали под их влиянием.

Братские школы, несмотря на сложные специфические условия, сыграли выдающуюся роль в истории белорусского народа. Эта роль была обусловлена социально-экономическими изменениями в Польско-Литовском государстве XVI—XVII вв.

Велика роль братских школ в развитии и распространении просвещения в Белоруссии, в становлении и развитии белорусской народности, ее самостоятельности и самобытности. Школы явились проводником гуманистических идей среди православного населения. Нельзя не отметить исключительной роли братских школ в борьбе против католицизма, унии и полонизации, в отстаивании чистоты православной веры. Они находились как бы на стыке двух соперничающих христианских религий (католической и православной), что также наложило свой отпечаток на их деятельность. При этом не следует представлять братские школы только как защитников православия. Отражая в известной мере нужды и чаяния городских низов и крестьянства, они нередко выступали и против православных сановников, которые также жестоко эксплуатировали свою паству, а иногда не

останавливались даже перед изменой самому православию.

Развитие белорусского языка, поэзии, драматургии и музыки также было связано с братскими школами.

Велика заслуга братских школ в становлении и развитии классно-урочной системы обучения. Для того времени система обучения и воспитания в них была наиболее гуманной и прогрессивной. К тому же в школах соблюдалась бессословность, что также выделяло их среди других типов школ как в польско-литовском государстве, так и в Западной Европе вообще.

Братские школы явились широкими распространителями книгопечатания, главным образом на белорусском языке.

Определенное влияние братские школы оказали на просвещение России, в частности, школами России нередко заимствовались формы и методы обучения, учебные книги. Однако это влияние не было односторонним. Братские школы также испытывали поддержку старшего брата — русского народа.

Безусловно, в деятельности братских школ было немало и отрицательных моментов (например, догматизм и религиозность в преподавании, призывы к аскетизму). Это тоже было вызвано определенными социально-экономическими явлениями того времени, что не может принизить и тем более перечеркнуть роль и значение братских школ в развитии культуры, науки и просвещения белорусского народа.

Литература

[1] Статут Великого княэьства Литовского, раздел 4, артыкул 1. М., 1854, с. 88.

[2] *Пичета В.* Белоруссия и Литва XV—XVI вв. М., 1961, с. 647.

[3] *Сапунов А. П.* Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910, с. 21.

[4] *Lundberg Mabel.* Jesuitische Anthropologie unp Erziehungs-Lehre in der Fruhzeit des Ordens (ca 1540 — ca 1650). Uppsala, 1921, S. 24

[5] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 7, с. 361.

[6] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 48, с. 232.

[7] *Абецадарскi Л. С.* У святле неабвержных фактаў. Мінск, 1969.

[8] Russiches Monchtum Augustinus — Verlag. Wurzburg, 1953, S. 293.

[9] *Suchodolski Bogdan.* Die polnische Pedagogik in der Zeit der Renaissanse. Berlin, 1958, S. 104.

[10] Ibidem, S. 13.

[11] Ibidem, S. 57.

[12] Из истории философской и общественно-политической мысли в Белоруссии. Минск, 1962, с. 99.

[13] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века. Казань, 1898, с. 189.

[14] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века; *Ефименко А.* Южная Русь. Спб., 1905; *Савич А.* Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусії в XVI—XVII вв. Київ, 1929; *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии в XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией. М., 1954; *Дема Н. И.* К вопросу об истории школы Белоруссии (с конца XVI в. до раздела Польши в 1772 г.). Автореф. канд. дис. М., 1941; *Митюрова Б. Н.* Развитие школы и педагогической мысли на Украине и в Белоруссии (XVI—XVII вв.). Автореф. докт. дис. Киев, 1968.

[15] *Соловьев С. М.* Братчины.—«Русские беседы», 1856, № 4.

[16] *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией.

[17] Акты западной Руси (далее — АЗР), т. 3, № 29. Спб., 1848, с. 115.

[18] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и XVII века, с. 367.

[19] АЗР, т. 4, № 28. Спб., 1851, с. 38.

[20] Там же, № 36, с. 54.
[21] Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 1897, с. 2.
[22] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 460.
[23] *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией, с. 136.
[24] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 463.
[25] Белорусский архив древних грамот. Минск, 1824, с. 77.
[26] «Порядок школьный» или устав Львовской школы опубликован в «Актах, относящихся к истории Южной и Западной России», т. 2, № 154. Спб., 1865, с. 182—183.
[27] *Мітюров Б. Н.* Педагогічні ідеї Яна Амоса Коменського на Україні. Київ, 1971, с. 5, 15, 19 и 25.
[28] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 469—470.
[29] Памятники, изданные Временною комиссией для разбора древних актов, т. 1, отд. 1, № 9. Киев, 1845, с. 86—87.
[30] Там же, № 10, с. 99.
[31] *Константинов Н. А., Струминский В. Я.* Очерки по истории начального образования в России. М., 1953, с. 27.
[32] Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, т. 2, № 154. Киев, с. 182.
[33] Памятники, изданные Временною комиссией для разбора древних актов, т. 1, отд. 1, № 10, с. 99.
[34] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 461.
[35] Памятники, изданные Временною комиссией для разбора древних актов, т. 1, отд. 1, № 10, с. 113—114.
[36] АЗР, т. 4, № 33 и № 63. Спб., 1851, с. 43 и 89.
[37] *Савич А.* Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусії в XVI—XVII вв. Київ, 1929, с. 150.
[38] АЗР, т. 4, № 73. Спб., 1851.
[39] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 341 и 405.
[40] *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией, с. 72—73.
[41] *Савич А.* Нариси з історії культурних рухів на Україні та Білорусії в XVI—XVII вв., с. 152.
[42] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 89.
[43] Акты, издаваемые Виленской археологической комиссией (далее АВАК, т. 8, № 13. Вильна, 1875, с. 31.
[44] АВАК, т. 9, № 53. Вильна, 1878, с. 147.
[45] Памятники, изданные Временною комиссией для разбора древних актов, т. 1, отд. 1, № 10, с. 114—115.
[46] *Константинов Н. А., Струминский В. Я.* Очерки по истории начального образования в России, с. 32.
[47] *Смотрицкий М.* Фринос, или Плач восточной церкви. Вильна, 1610, л. 77.

[48] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 328.
[49] *Митюров Б. Н.* Развитие педагогической мысли на Украине в XVI—XVII вв. Киев, 1968, с. 148—149.
[50] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 430.
[51] АЗР, т. 4, № 217. Спб., 1851, с. 506.
[52] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 440.
[53] Там же, с. 439.
[54] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 312; *Медынский Е. Н.* Братские школы Украины и Белоруссии XVI—XVII вв. и их роль в воссоединении Украины с Россией, с. 30.
[55] АЗР, т. 3, № 114. Спб., 1848, с. 287.
[56] АВАК, т. 8, № 1. Вильна, 1875, с. 4.
[57] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 317.
[58] АЗР, т. 4, № 4. Спб., 1851, с. 5—6.
[59] Белорусский архив древних актов, с. 44.
[60] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Вильна, 1843, с. 7.
[61] АВАК, т. 9, № 52. Вильна, 1878, с. 143.
[62] Там же, с. 147.
[63] *Харлампович К.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, с. 301.
[64] АЗР, т. 4, № 63. Спб., 1851, с. 89.
[65] АВАК, т. 8, № 5. Вильна, 1875, с. 12.
[66] АЗР, т. 3, № 32. Спб, 1848, с. 118.
[67] АЗР, т. 3, № 90. Спб., 1848, с. 219.
[68] АЗР, т. 3, № 108. Спб., 1848, с. 239.
[69] АЗР, т. 4, № 48. Спб., 1851, с. 69.
[70] АВАК, т. 11, № 23. Вильна, 1880, с. 59.
[71] АВАК, т. 8, № 13. Вильна, 1875, с. 31.
[72] Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. 10, № 5. Вильна, 1874, с. 222.
[73] АВАК, т. 8, № 44. Вильна, 1875, с. 93.
[74] АВАК, т. 8, № 45. Вильна, 1875, с. 94.
[75] АЗР, т. 4, № 149. Спб., 1851, с. 215.
[76] АЗР, т. 4, № 217. Спб., 1851, с. 506.
[77] Архив юго-западной России, ч. 1, т. 6, № 280. Киев, 1883.
[78] АЗР, т. 4, № 119. Спб., 1851, с. 172.
[79] Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. 2, № 19. Вильна, 1867, с. 17—18.
[80] Археологический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси, т. 2, № 34. Вильна, 1867, с. 46.
[81] АЗР, т. 4, № 122. Спб., 1851, с. 175.
[82] АВАК, т. 11, № 36. Вильна, 1880.
[83] АВАК, т. 11, № 39. Вильна, 1880, с. 111.
[84] Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трок, православных монастырей, церквей и по разным предметам, № 40, с. 112.
[85] АВАК, т. 11, № 31. Вильна, 1880, с. 85.

Содержание

Владимир Петрович Мещеряков

БРАТСКИЕ ШКОЛЫ БЕЛОРУССИИ

(XVI — первая половина XVII в.)

Редактор Л. Н. Самосейко
Технический редактор В. П. Безбородова
Корректоры В. А. Жданович, А. М. Гуль.

АТ 12807. Сдано в набор 27/IX 1976 г. Подписано к печати 9/XII 1976 г. Формат 84Х108[1]/[32]. Бумага типографская № 2. Усл. печ. л. 2,94. Уч.-изд. л. 3,09. Зак. 2419. Тираж 1000 экз.
Цена 31 коп.

Издательство Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Минск, ул. Кирова, 24.

Типография Издательства Белорусского государственного университета им. В. И. Ленина. Минск, ул. Кирова, 24.